Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь
А.С. Пушкин

1

Как потревоженный муравейник мечутся в тревожной растерянности мирные донские станицы и хутора. От Хопра и Бузулука, от Медведицы и Иловли, от Чира и Донца, от Белой Калитвы и Быстрой до Сала и Маныча и дальше, до низовьев Тихого Дона испуганно всколыхнулась вековая, безмятежная донская тишь. Со времён Булавина ещё не переживали такого жуткого времени ничем и никем не тревожимые донские курени. Ни голод и мор, ни громовые раскаты орудий, ни дикий, зловещий вой и разрывы снарядов, ни длинные очереди пулемётов, ни жужжание смертоносных свинцовых пчёл, ни пожарища родных хат, а жуткие, кошмарные вести вносят смятение в простые неискушённые умы.

Беспрерывные набаты, и без того страшные в мирное время как предвестник страшного несчастья, сейчас неизмеримо страшней сотрясают зимние морозные дали. Хотя все знают, что не нужно куда-то бежать, высматривать, где и что горит. Нет, это не пожар. Это значит, что кто-то приехал из города и привёз вести во сто крат худшие, чем пожар. И все: и согбенные годами, убелённые сединами, в галунах, шевронах, с крестами и медалями на выцветших, пропахших нафталином мундирах, свидетели и участники штурмов Карса, Баязета, Аргадана, герои Плевны и Шипки и их потомки в четвёртом колене, которые только что начинают познавать из учебников истории минувшие судьбы родной страны, и юные девы, и безусые их поклонники, и видавшие виды, разъехавшиеся по домам казаки-фронтовики минувшей войны – все спешат на станичную площадь послушать, что нового привёз им сегодняшний городской глашатай, какие очередные страшные вести их ждут. А они, страшные и без городских гостей, передаются от одного к другому, плывут по заснеженным степям и долам от станицы к станице, от хутора к хутору, прикрашенные, исковерканные, панические, неведомо, откуда взятые и неведомо, кем распространяемые.

Идут слухи, и приезжие подтверждают это – фронт развалился окончательно. Армия разбежалась по домам, и в глубь России движутся никем не сдерживаемые немецкие полчища. А на Тихий Дон с севера и запада надвигаются страшные большевики, именуемые ещё красногвардейцами и коммунистами. Слова новые, непонятные и поэтому вдвойне страшные. Большевики-коммунисты не признают ничего святого и заветного. На своём пути они сметают всё, убивают невинных, грабят, жгут, насилуют матерей, жён, сестёр, дочерей и невест. Закрывают церкви и глумятся над служителями божьими. А кого щадят, тех или насильно вербуют в свои безбожные

отряды или ссылают за тридевять земель в далёкую, холодную каторжную Сибирь, за неведомый Байкал и ещё дальше – за Амур.

И Байкал, и Амур представляются потрясённым слушателям кошмарным концом света, гибельными местами, несмотря на то, что все знают, особенно старики, что там тоже есть казаки – сибирские, семиреченские, забайкальские, уссурийские и амурские, отличающиеся от донцов, быть может, только иным цветом лампас. Но всё равно страшно. Никому неохота подниматься с насиженных мест, уходить из родных станиц от могил прадедов в неведомую, страшную даль.

А господа офицеры, завладев вниманием доверчивой толпы, бросают в неё зажигательные патетические речи о гибели России и всего казачества, если казаки не прислушаются к голосу разума, если не откликнутся на зов исторического своего предназначения, как спасителей России, как носители славы и величия её, если, поправ свою славную традицию защитников законности и порядка, будут отсиживаться по своим куреням. Они призывают записываться в добровольческие партизанские отряды для защиты, пока не поздно, хотя бы Тихого Дона, от непрошеных гостей, которых ещё можно сломить, так как они ещё не способны противостоять организованной казачьей силе и поэтому не суются в глубь казачьих станиц и держатся преимущественно вблизи железных дорог и шахтёрских рабочих посёлков.

- А что позорнее всего, - выступают ораторы, - так это то, что во главе некоторых красногвардейских отрядов стоят чистокровные донские казаки, такие как Подтёлков, Кривошлыков, Чесноков, Автономов и другие, продавшие большевикам свою совесть и честь Тихого Дона. И ещё позорнее то, что вместе с большевистскими отрядами на Дон против законного донского правительства идут обольшевиченные 27 и 44-й донские казачьи полки, во главе которых стоит не только чистокровный донской казак, а даже офицер из казаков, донской дворянин – войсковой старшина Голубов.

Распропагандированные такими речами старики, потрясая бородами, палками и кулаками, готовы идти стеной на своих беспутных сыновей-фронтовиков, настроенных явно недоброжелательно против столичных «брехунов» (став донским атаманом, генерал Каледин объявил Новочеркасск столицей дона как самостоятельного государства). Фронтовики наотрез отказываются выступать против большевиков не только организованно, в составе своих бывших частей, а тем более - записываться добровольно в партизанские отряды.

- Идите туда сами, старые п…., - кричат фронтовики, - порастрясите песок, понюхайте, чем там пахнет!

- Изменники, сукины сыны, - парируют старики, - продали Россию и Дон жидам и немцам!

Шум, гам, свалка. А на другой день опять набат, опять призывы, опять словесная перепалка между отцами и сыновьями, между дедами и внуками. Опять война стариков с фронтовиками. Но открыто фронтовики выступать не решаются. Как ни как, а власть ещё в руках атамана Каледина, царского генерала, открытого монархиста, которого поддерживают все, кто не был на войне. Как никак, а по Новочеркасску, до которого не так уж и далеко, бродят вооружённые до зубов, спаянные своей организацией, крепкие своей боевой выручкой, объединённые железной дисциплиной, разъярённые революцией офицерские отряды – охрана атамана и его единомышленников. Эти отряды сформированы не только из одних донских казачьих офицеров. Бывшие верховные главнокомандующие русской армии генералы Корнилов и Алексеев, сбежавшие на Дон, с которого «выдачи нет», формируют свою Добровольческую армию. Формируют, в основном, из бежавших из Москвы и Петрограда привилегированных классов падшей Российской Империи. И не только формируют, а уже активизируются, и второго декабря заняли Ростов, выбив оттуда большевиков и сделав Ростов центром добровольческих вооружённых сил юга России против Советской власти.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

С другой стороны, в станицу проникают призывы Подтёлкова - большевика из казаков - браться за оружие и идти не за Каледина, а против него. Слышно, что в станице Каменской, окружной станице Донецкого округа, собрались под начальством этого Подтёлкова большие силы казаков для похода на Новочеркасск, оплота русской Вандеи. Но слишком уж тяжело и не хочется подниматься в помощь ему от тепла и уюта сытых родных куреней, от горячих ласк любимых, от черномазого и белокурого потомства. Подниматься и уходить опять неизвестно куда, на сколько и за что бороться и рисковать теперь, когда уже казалось, что трёхлетний кошмар остался позади, когда так осточертело кормить вшей за эти три с лишним года.

Не уверенные до конца в атаманскую пропаганду, но и не уверенные в правоте Подтёлкова, хотя и видели на фронтах живых большевиков, одетых, как и все на фронте, в серые солдатские шинели и говоривших, как и все, на русском языке, фронтовики колеблются. И, колеблясь, выбирают из своей среды делегатов и шлют их в другие станицы и округа узнать, прощупать настроение, узнать правду. Бессергеневские и заплавские депутаты направляются в Хопёрский округ, так как по слухам, он больше всех обольшевичился. И с какой жадностью люди слушают того делегата, который видел живых большевиков уже не на войне, а здесь, в родной своей области и вырвался от них живым и невредимым.

- Люди как люди, - говорили делегаты, - такие же, как и те, что были на фронте. Говорят то же самое, что и говорили на фронте, то есть что надо скорее кончать войну с немцами, мириться с ними и приступать хозяйствовать. Никого они не убивают, никого не насилуют, никого не грабят и никого никуда не собираются выселять. Есть, правда, среди них отдельные случаи грабежей, насилия, но это делают в основном примазавшиеся к красногвардейским отрядам выпущенные из тюрем во время революции уголовные преступники. Но их, как только разоблачают, так и к стенке. Попы в церквах как служили, так и служат, никто их не трогает. Слышно, что они дюже не любят офицеров, которые измывались над нашим братом и которые идут против них. Не жалуют и богатых…

- Как богатых, каких? Из казаков, которые своим хребтом наживали хозяйство, или как? – тревожатся наиболее зажиточные, домовитые.

Да нет, таких вроде не трогают, а вот лавочников да у кого по пять-шесть и больше постоянных работников работало, тех, говорят, немного потрошат.

- Чёрт-те что – поп своё, а чёрт своё! – резюмировали расходясь фронтовики. – Прямо не поймёшь…Вот настали времена!

Само собой разумеется, что подобные дебаты проводились не на станичной площади публично, а где-нибудь в курене надёжного фронтовика.

2

Оставшиеся в живых, отслуживших действительную военную службу и которых не отпустила война, а также мобилизованные в первые дни войны, в августе четырнадцатого года, к концу семнадцатого были уже все по домам. Отъедались за все эти три года постоянных невзгод, отпивались и отлёживались в тепле родных куреней, уюте родных семей, среди своих близких.

Однажды, в двадцатых числах января, к нам утром кто-то сильно постучал в забор. Залаял и кинулся к забору Пират. Я вышел на стук. У забора стоял мой одногодок с «горы» - Тимошка Каюков.

- Здорово, Андрей! Иди-ка сюда! – сказал он мне и протянул через забор бумажку.

- Здравствуй, Тимоша! Что такое?

- Да вот найди себя и распишись, наверное, мобилизация.

- Давай зайдём в курень, а то холодно. Пошёл, Пират!

Мы зашли в курень. Бумажка оказалась списком, в котором значилось человек тридцать пять низовской молодёжи 1898, 1899, 1900 годов рождения. При нормальной жизни ни один из этих годов призыву пока не подлежал.

- Это что, список на всю станицу?

- Нет, таких списков четыре. С ними пошли другие.

Поименованные в списке приглашались в станичное правление 21 января к трём часам дня. В списке были Жорка и Илюшка, который сейчас находился дома. Все городские учебные заведения ввиду особой политической ситуации были закрыты и учащиеся от семнадцати лет и старше были завербованы в партизанские отряды по борьбе с красной гвардией. Учившийся в учительской семинарии Илюшка от вербовки каким-то образом уклонился. В списке значился и Васька Шорников.

- А этот почему здесь? Ведь он же не казак? – спросил я.

- Приказано объявить всем!

Когда мы – я, Илюшка и Жорка – пришли в станичное правление, там уже в сборе были почти все, человек сто. Никто точно ничего не знал. У всех мелькала только догадка – мобилизация. Так как записываться в партизанские отряды против большевиков охотников было не так уж много, войсковой атаман, видимо, решил забрать в армию принудительным порядков очередные три года молодёжи.

Теряясь в догадках, собравшиеся шумели, как старики на сходе. Потом кто-то крикнул: «Тише!» Из своего кабинета показался станичный атаман Пантелей Иванович Субботин, бравый, лет под пятьдесят, вахмистр царской службы, выбранный в атаманы в конце декабря вместо Алексея Васильевича Карасёва. Вслед за ним вышел офицерской выправки молодой, лет под тридцать, военный, одетый в длинную, по самые пятки, уже потрёпанную простую казачью шинель. На голове – серая каракулевая офицерская папаха. По почти выцветшим его погонам мы едва определили его чин – есаул. Ни оружия, ни планшетки, ни полевой сумки, ни множества ремней, ни крестов, ни медалей, ни шпор на сапогах – обязательных, по нашим понятиям, атрибутов каждого офицера, ничего этого на нём не было. За большим обшлагом шинельного рукава торчало что-то похожее на тетрадь.

Атаман поднял руку и, подождав, когда уляжется гомон, объявил, что приезжий господин есаул прислан провести беседу со станичной молодёжью призывных возрастов, поэтому нас сюда и собрали. А так как в правлении тесно, да и мешать будут посетители, то все должны отправиться отсюда в школу. Там, в большом коридоре школы, никто собранию мешать не будет.

- Ребята! – звонко крикнул есаул, когда мы все высыпали из правления на площадь. – Кто знает строй, поднимите руки!

- Все знаем! – хором закричали все и взметнули лес рук.

В этот момент каждый из нас, за исключением разве лишь тех, кто не учился совсем, а были и такие, вспомнили школьные годы и военную муштру, именуемую тогда уроком гимнастики. Этот урок преподавал нам неизменный помощник станичных атаманов Стефан Анисимович Минаев, который учил нас построениям, поворотам, шагистике и гимнастике два раза в неделю.

- Отлично! Тогда давайте построимся, а то, посудите сами, вам, будущим казакам, как-то неудобно будет идти по центру станицы, как табун коров.

- Ей-богу, мобилизация, - шепнул мне Жорка.

- Прекратить разговорчики! Равнение на право-о-о! Смир-р-р-но! По порядку номеров – расчитайсь!

Окинув опытным взглядом две разнокалиберные шеренги, есаул быстро и профессионально рассортировал всех нас по росту, опять скомандовал «смирно» и «равнение», и не прошло и десяти минут, как перестроенная по ранжиру, хотя и разношерстная, но стройная колонна по шести в ряд зашагала во главе с есаулом по церковной улице к школе.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

А ну, ребята, давайте какую-нибудь песню! – поворачиваясь к колонне и идя задом, крикнул есаул.

За Уралом, за рекой
Казаки гуляют.
Эй, эй, пей, гуляй,
Казаки гуляют, -

затянул шагавший в середине колонны мастер на песни Жорка. Ему дружно подхватила вся колонна.

На необычную воинскую, так неожиданно быстро сформированную рать, угадав в ней своих станичных ребят, смотрели и из окон и, надевая на ходу шапки и накидывая на плечи шали и платки, спешили к калиткам казаки и казачки. Останавливались прохожие. Жалостливые тётки подносили к глазам фартуки. Стараясь попасть в ногу, рядом с колонной шагали понасбегавшие, посерьёзневшие мальчишки.

Перед школьным двором офицер остановил колонну и сделал перекличку. Из всех оповещённых по четырём спискам не оказалось только двоих, да и те, запыхавшись, прибежали потом. Сказывалась переданная из поколения в поколение привычка к дисциплине, к слепому повиновению начальству.

3

Сделав перестроение «по два», колонна так же организованно вошла в помещение школы и стала рассаживаться по приготовленным в обширном коридоре, где мы когда-то играли в чехарду, скамьям. Есаул взошёл на небольшой помост у стены, на котором стоял стол, накрытый серым солдатским одеялом, и стал дожидаться, пока все усядутся. Из двери, ведущей из коридора в квартиру заведующего школой, вышла бабка Сетчиха и поставила на стол графин с водой и стакан на тарелке. Затем вынесла оттуда же два стула и поставила их к столу.

- Ну что, ребята, волнуетесь? – спросил есаул, когда шум немного утих. – Вы все тут, я больше чем уверен, думаете, что это – мобилизация. Не так ли?

Разрозненный гул голосов.

- Нет – это не мобилизация или, вернее, п о к а не мобилизация.

Он снял шинель (в школе было тепло), повесил её и папаху на гвоздь и повернулся к нам. Мы все невольно ахнули от восхищения. Обе стороны груди аккуратного тёмно-зелёного габардинового его френча были увешаны Георгиевскими Крестами, медалями и ещё какими-то неизвестными орденами. Белоснежная, узенькая каёмка подворотничка френча пикантно оттеняла его красивое, смуглое, интеллигентное лицо с чёрными глазами и крупным, чуть с горбинкой, носом

Не подавая совершенно вида, что он заметил произведённое на нас впечатление, есаул расчесал волосы и начал говорить:

- По уполномочию окружного атамана Черкасского округа его превосходительства генерал-майора Янова, я попросил вашего атамана собрать вас, три призывных возраста, чтобы побеседовать с вами, ребята, насчёт будущей судьбы нашего родного края – Тихого Дона. Я постараюсь быть кратким. Но то, что я сейчас вам здесь скажу, постарайтесь, чтобы оно дошло до вашего сознания, чтобы вы поняли и уяснили себе, на грани каких ужасов и бедствий мы стоим, если не примем необходимых мер самозащиты. Но перед тем, как начать свою лекцию, мне, ребята, необходимо знать кое-какие данные о вашем составе.

Он подошёл к шинели, достал из-за обшлага тетрадь и подошёл к столу.

- Кто из вас совершенно неграмотен, прошу поднять руки.

Поднялось две руки.

- Кто окончил один класс?

Ни одной руки.

- Кто только два?

Тоже ни одной руки.

- Кто только три?

Руки подняли почти все.

Окончивших четыре класса не нашлось ни одного, окончивших пять – трое: я, Сашка Панарин и Димка Извозчиков. Учившихся в городе после окончания станичного училища оказалось семь человек, в том числе и Илюшка.

- Так вот, ребята, неграмотных среди вас оказалось только двое, окончивших три класса – сто шесть, окончивших пять классов трое, продолжающих учиться дальше – семь. Всего сто восемнадцать человек. Теперь меня интересует вот что – есть ли среди вас, кто не из казачьего сословия? Я просил атамана собрать всех, не только казаков.

Поднялось три руки – Сашка Панарин, Васька Шорников и Володька Дроздов. Есаул опять сделал пометку в своей тетради.

- Так, - он захлопнул тетрадь, - теперь скажите, в каком объёме вы изучали Русскую историю в своей школе?

Поднялся Мишка Пятницын, учившийся после пятого класса в Новочеркасской духовной семинарии:

- Русскую историю в станичной школе изучали, начиная с третьего класса. В третьем классе кратко, а в четвёртом и пятом более пространно. Охват - от Рюрика до Александра Третьего.

При воспоминании об истории в моей памяти возникли школьные годы – третий класс, висящая на стене карта Киевской Руси… Поляне, древляне, кривичи, княгиня Ольга, горящий Коростень, крещение Руси и прочее.

- А знаете ли вы свою историю, историю Донского казачества? В школе, я знаю, отдельно её не преподавали, но может быть, слышали так, от образованных, бывалых людей, или сами читали что-либо?

Молчание. Потом поднялся тот же смелый семинарист Мишка Пятницын.

- Едва ли, господин есаул, кто что слышал или читал более или менее правдивое, а в школе мы изучали так, поверхностно, из той же истории. А из рассказов знаем только то, что нам говорили наши деды, а им – их деды. Но в их рассказах дальше покорения Кавказа, походов на турок или поляков, да и то, наверное, привранных, история не идёт.

Все засмеялись. Есаул улыбнулся тоже. В это время из той же двери, откуда выходила уборщица, показался атаман в сопровождении заведующего школой. Есаул жестом пригласил их садиться к столу, а сам начал:

- Для того, чтобы понять весь смысл происходящих в настоящее время в России событий, я должен вам немного рассказать о возникновении донского казачества и его последующей истории, а также немного из истории народов вообще и кое-что из мироздания. Расскажу кратко, но по возможности ясно. Чтобы рассказать всё подробно, нужна не одна лекция, а годы. У нас же сейчас времени в обрез. Но и ничего не знать, из-за чего началась гражданская война в России, тоже нельзя.

И есаул стал рассказывать, как миллиарды лет постепенно природа делала своё кропотливое дело, пока на свет Божий не появилось существо, способное мыслить и творить, - человек! И всё это делалось, как называют учёные, эволюционным путём, в противовес революционному. Революционный же путь – это внезапность, внезапное изменение, насильственный чему-нибудь переворот. Но наряду с эволюционным развитием жизни на Земле были вспышки и революционного вмешательства, приводившие к колоссальнейшим катастрофам. В качестве примера есаул рассказал об исчезнувшей внезапно Атлантиде, о внезапно оборвавшейся жизни древних мамонтов.

- Можно приводить бесконечное множество случаев, - продолжал есаул, - когда революционное, то есть внезапное вмешательство неких сил на постепенное развитие природы производило колоссальные бедствия. Но и этих двух примеров достаточно для

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

того, чтобы понять, что природа не любит скачков. Они губительно отражаются на процессе развития жизни на земле…

- Проходите, господа станичники, проходите, - прервал вдруг свою необычную лекцию есаул, - рассаживайтесь!

Я оглянулся и с удивлением увидел, что кроме нас, специально собранных на эту лекцию, вся свободная часть коридора наполнилась стариками и фронтовиками. Были и казачки, и девчата.

- Ребята, подвигайтесь ближе и садитесь поплотней, - распорядился есаул. – Дайте место и отцам!

Пока происходила перегруппировка аудитории, есаул, выпив воды и закурив, стал вполголоса о чём-то говорить с атаманом. Тот улыбался и кивал в знак согласия головой. Наконец, все разместились, и с задних рядов кто-то крикнул:

- Просим продолжать, господин есаул!

- Возьмём теперь человеческое общество вообще, - снова начал свой рассказ докладчик, - без разделения на государства, нации, цвет кожи, религии и прочее. Человечество не сразу пришло к такой жизни, какой живёт сейчас…

Есаул стал рассказывать о первобытном состоянии людей. Все трудоспособные люди тогда трудились по своим способностям и физической силе, но делёжка результатов этого труда, от охоты, рыболовства и добывания корней, производилась между всеми членами рода поровну, независимо от участия в труде. На языке современных господ социалистов это называлось первобытным коммунизмом, то есть всё – общее. Но, постепенно совершенствуясь, приспосабливаясь к изменяющимся условиям жизни, это первобытное общество стало перерождаться. Перерождаться само по себе, без принудительного давления сил извне. Докладчик рассказал о возникновении рабства, о восстании Спартака, пытавшегося изменить существующий строй, о его подавлении, как и других подобных восстаний, так как не назрело ещё время для установления более справедливого порядка. Но прошли века, и рабство экономически стало невыгодно. Ему на смену пришёл феодально-крепостнический строй, который отличался от предыдущего разве лишь тем, что рабовладелец, переименованный в помещика, не мог безнаказанно лишить жизни своего крепостного, как раньше мог безнаказанно убить раба. Такой строй просуществовал в одних государствах дольше, в других меньше. В России он просуществовал несколько столетий, вплоть до 1861 года, когда манифестом Александра Второго крестьяне были освобождены от крепостной зависимости.

- Хорош был этот строй? – спросил аудиторию есаул и сам же ответил: «Безусловно, нет. Экономически, быть может, он отчасти и оправдывался, но с точки зрения гуманизма, человеколюбия, уважения к человеческому достоинству строй этот, как и предыдущие, оправдать ничем нельзя. Простых людей, тружеников, не считали за людей. За малейшую провинность их подвергали телесным наказаниям. Их продавали, проигрывали в карты, меняли на собак, ссылали без всякого суда. А при продаже ещё и разлучали семьи: отца продавали в одну сторону, мать – в другую, детей – в третью.

Само собой разумеется, что такие дикие порядки не нравились угнетённым, и они время от времени восставали против помещичьего произвола. Крестьянские войны были во всех странах, где существовал крепостной строй. Были крестьянские войны и у нас, в России. Восстание Болотникова триста лет тому назад. А кто не знает про нашего донского казака Стеньку Разина, которого хотя и проклинают в церквях, но про которого до сих пор народ поёт сложенные про него замечательные песни. И все, безусловно, слышали о Емельяне Пугачёве. Это тоже был наш донской казак. Все эти три названные мною лица были предводителями крестьянских восстаний не только против жестокостей изуверов-помещиков. Они были и против несправедливого пользования землёй, когда у мизерного меньшинства были тысячи десятин земли, а у подавляющего большинства – жалкие наделы в несколько десятин или совсем ничего.

Но попытка насильственного изменения существующих порядков ни к чему не приводила. Восстания подавлялись. Подавлялись потому, что в силу экономических, не зависящих от желания человека, законов, в силу объективных условий время к изменению этих порядков не назрело. Оно пришло потом, само собой. С появлением на свет фабрик и заводов, рудников, железных дорог, пароходов и прочей промышленности. Когда для обслуживания этой промышленности потребовались не крепостные, подневольные, а вольные рабочие руки. А эти вольные рабочие руки могло дать только освобождённое от власти помещика крестьянство. Так настал строй буржуазный, строй капиталистический, при котором мы сейчас с вами и живём.

Значит самой историей бесспорно доказано, что изменение того или иного экономического, государственного строя происходило не скачкообразным, революционным путём, а эволюционно, постепенно. А господа большевики хотят обратно насадить в России уже изведанный человечеством, но отброшенный историей, как неприемлемый порядок – коммунизм – именно насильственным путём. В беспредельной своей наглости они дошли до того, что в ночь под Крещение их представитель, безграмотный матрос Железняков силой оружия разогнал временный Российский законодательный орган – Учредительное собрание – и арестовал членов Временного правительства».

- Теперь на этом я пока остановлюсь и расскажу немного о нас с вами, о казаках, - продолжал есаул, - о возникновении нашего славного донского казачества, старшего среди всех казачеств, родоначальника всех одиннадцати казачьих войск.

Казак – это слово татарское и означает по-русски «вольный человек». Донскими мы называемся, потому что живём на Дону. Значит, мы с вами - донские вольные люди. Но всегда ли мы, вернее, наши предки, были вольными и жили на Дону? Нет, не всегда.

В своё время, лет восемьсот тому назад, наши предки, коренные русские люди православного вероисповедания, то ли в поисках приключений, то ли опасаясь за что-либо расплаты перед властями, то ли в поисках лучшей жизни бежали из центральных областей России на ничейные тогда окраины, в частности и в большинстве на Дон. Это были смелые, волевые, ничего не боящиеся люди. Здесь, в придонских степях, они, один по одному, собирались в бродячие вооружённые шайки. Их тогда называли «бродниками», и так они и вошли в историю. И в купе с бродившими тогда по южным окраинам России половцами – было такое на Руси племя – нападали и грабили не только русские княжества, но и кого придётся – кто попадётся под руку. Потом, когда на Русь нагрянули татары и покорили её, эти шайки бродников и половцев пристали к татарам и растворились в этой нации. Потом было так называемое татарское иго, которое тяжёлым гнётом висело над Россией около двухсот пятидесяти лет. Но об этом я скажу дальше.

С растворением бродников в гуще нагрянувших на Русь кочевников никаких достоверных источников о наших предках, донских казаках, нет. История их прерывается почти на триста лет.

Лет пятьсот тому назад, уже после свержения татарского ига, наши донские степи были полупустынны. Осёдлых поселений на Дону не было, если не считать турецкой крепости в устье Дона – Азова. Летом по этим степям кочевали со своими громадными стадами скота и отарами овец осколки татарской Золотой Орды, так называемые ногайские татары, из теперешних Кубани, Ставрополья и Терека. На зиму они уходили обратно в свои края. Да изредка по Дону поднимались турецкие фелюги, торговые лодки с товарами для кочевников. Нераздельными хозяевами донских степей были дрофы, или по-местному «дудаки», бродившие целыми гуртами по девственным степям в высокой траве, и отары диких баранов-сайгаков. Да высоко в поднебесье, выглядывая добычу, парили воздушные степные хищники. В реках, протоках, музгах, лиманах и озёрах кишмя кишела никем не пуганная в невероятных количествах рыба и дичь.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

И вот четыреста с лишним лет тому назад полупустынный этот край стал постепенно заселяться людьми – нашими предками. Люди эти бежали из России, из так называемой Московской Руси. Бежали они, надо полагать, не от хорошей жизни. Бежали от больших податей, поборов, от непосильной и неблагодарной работы в барских вотчинах, бежали от притеснения и угнетения. Потомками вот этих беглых, в основном из Московской Руси, людей и являемся теперь мы с вами.

Само собой разумеется, что такое массовое бегство работного люда не могло нравиться московским властям. Не нравилось потому, что бежали не бездельники, а именно работный люд, трудовой народ – крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, обездоленные трудовые горожане, то есть все те, кто своим трудом производил еду, одежду, утварь. Это, естественно, отрицательно сказывалось на тогдашней экономике. Ремёсла начали приходить в упадок, некем было пополнять войска.

Для того, чтобы спасти положение, необходимо было пресечь это массовое бегство. И московские цари вынуждены были предпринять какие-то меры. На тропах и дорогах, ведущих на Дон, стали ставить вооружённые заградительные отряды, которые ловили беглецов, наказывали их и водворяли обратно на прежние места. Но когда и это не давало должных результатов, так как беглецы всё же просачивались на Дон другими, им одним известными тропами, тогда с целью возврата беглых со стороны Руси начали предприниматься настоящие военные походы. Но только малую часть беглецов удавалось возвратить.

Какой же из этого вывод?… Для того, чтобы оставить родной дом, какой бы он ни был, а подчас и семью, и бежать в неведомые земли, не зная, чем питаться в пути, не зная, где жить, не зная условий суровой степной зимы в безлесье, каковым являлся тогда и является сейчас наш край, нужно было быть сугубо смелым и волевым человеком. Такими смелыми и волевыми людьми были наши предки. Все слабые, хилые, трусливые, отважась сначала на такие лишения, погибали или в пути, или уже придя на место и не умея приспособиться к новой, суровой обстановке. Оставались только сильные, храбрые, не боявшиеся никаких невзгод и трудностей. Происходил как бы естественный отбор.

Эти достоинства наших предков передавались потом из поколения в поколения. Эти качества впитывались, так сказать, с молоком матери и передавались по наследству. Поэтому мы, донские казаки, храбры, стойки, выносливы. Нас считают лучшими наездниками в мире и считают по праву. И так же по праву нас считают лучшими воинами.

Аудитория слушала, не шелохнувшись.

Есаул рассказал о беспокойных временах становления казачества, о татаро-монгольском иге как величайшем национальном бедствии. Рассказал о том, как под руководством московского князя Дмитрия Ивановича 8 сентября 1380 года в верховьях Дона было начало освобождения от ненавистного ига. За эту победу князю Дмитрию Ивановичу было присвоено звание «Донской», а церковь причислила его к лику святых. Но окончательно татары были разбиты только через сто лет при великом князе московском Иване Третьем, правнуке Дмитрия Донского (?), и отброшены далеко за тогдашние пределы Русского государства. «Золотая орда» распалась. Осколки её развеялись. Часть осталась на месте, за Волгой в нижнем её течении и назвалась Ногайской ордой. Часть укрылась в Крыму и назвалась Крымским ханством. Часть образовала Казанское ханство, и незначительная часть ногайских татар рассосалась в предкавказских степях, в теперешней Ставропольской губернии и Терской области.

Есаул сделал небольшую паузу и, перекурив, продолжал:

- Примерно к этому времени и относится начало образования донского казачества, так как усиление Московского государства, позволившее ему разгромить ранее непобедимых татар, происходило за счёт беспощадной эксплуатации простых людей. Это, естественно, вызывало недовольство масс и принуждало к массовому бегству.

Разбитая, но недобитая орда продолжала беспокоить набегами южные окраины тогдашней Руси, тянувшейся по территории нынешних Харьковской, Воронежской и Тамбовской губерний. И если раньше, когда степи донские были пустынны, это удавалось им почти безнаказанно, то теперь, с начавшимся заселением донских степей, через которые шли на Русь почти все дороги из Азии и Кавказа, кочевникам проникать к Москве стало труднее, так как в лице новых поселенцев Дона они встречали сопротивление. Молодые донские станицы как бы образовали между границами Московской Руси и кочевниками подобие буфера, на который наталкивались налётчики и отбрасывались назад.

И вот слух о неожиданных союзниках, вольных или невольных пограничниках, дошёл до Москвы, и московские цари поняли, что при известных обстоятельствах беглые могут приносить немалую для Руси пользу, принимая на себя первыми натиск захватчиков и ослабляя их силы. Поняв это, Москва, хотя и не поощряла продолжавшегося по-прежнему бегства, но прекратила свои походы для возврата беглых. И даже наоборот, поселенцев Дона стали поощрять разными льготами и привилегиями. Осевшим на Дону до 1682 года особыми правительственными грамотами было дано право считать себя коренными жителями Дона – донскими казаками. Московские цари стали посылать на Дон хлеб, которого казаки тогда не сеяли, стали посылать оружие, порох, свинец, железо, ценившееся в те времена очень дорого. Назначили денежное жалованье. Заселённые казаками и расположенные по обеим сторонам Дона от низовьев его и до верховьев земли, рыбные ловли, сенокосные и лесные угодья объявили неотъемлемой собственностью Донского войска. Казаков освободили от разных податей и других государственных повинностей, кроме известной вам сохранившейся до наших дней справы на службу, включая и коня. Кроме всего этого, казакам было дано самоуправление, то есть казаки сами могли выбирать себе атаманов, как станичных, так и войсковых без всякого давления и принуждения со стороны кого бы то ни было. Казаки сами, на своих станичных сборах или на войсковом круге могли решать любые свои дела, любые вопросы своих хозяйственных дел по своим обычаям.

Но так как казаки были народом всё же неспокойным, не особенно дисциплинированным, способным кое-когда и кое-кого пограбить, даже своих же русских братьев, а особенно купеческие караваны по Волге, российские правители стали постепенно прибирать казаков к рукам, стали накладывать на них свою лапу пожёстче, внедрять свои законы, урезывать политические свободы казаков. За грабёж, считавшийся у казаков удалью и молодечеством, стали судить по царским законам и строго, вплоть до смерти, наказывать. Войсковые атаманы уже не стали свободно избираться казаками на казачьем Круге, а с 1723 года стали назначаться самим царём особыми царскими наказами, от чего и получили название «наказных». До 1848 года эти наказные атаманы назначались только из казаков, а потом уже и не из них. Последним донским атаманом из казаков в прошлом веке был Максим Григорьевич Власов.

Но, ущемляя казаков политически, в экономику власти не вмешивались. Наоборот, с каждым годом казаки богатели всё больше и больше. В последние двадцать лет у нас на Дону не только в зажиточных хозяйствах, но и в большинстве хозяйств среднего достатка стали появляться различные сельскохозяйственные машины: сеялки, травокоски, жатки, веялки, плуги нового типа и даже молотилки.

Возьмем для примера вашу же станицу, а уж по ней будем судить и об остальных станицах Дона. У вас в станице, как мне дал справку господин атаман, - кивнул есаул в сторону сидевшего за столом атамана, - у вас в станице, без хуторов, 645 дворов, 3157 человек жителей обоего пола и всех возрастов. Паёв 837. Средний надел на пай распашной земли, без лугов, выгонов, виноградников и придворовых участков, не считая припайки из станичного резервного фонда на Маркином, у Парамоновских

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

рудников и на хуторе Верхне-Солёном за Доном, - четырнадцать десятин, а всего двенадцать тысяч десятин. Кроме того, сенокосных угодий по обеим сторонам Дона около четырёх тысяч десятин, огородов в лугу около четырёхсот десятин. Всего, таким образом, у вас в станице, повторяю, без хуторов, порядка семнадцати тысяч десятин, то есть на одного человека приходится больше пяти десятин. Вашу станицу в этом отношении можно отнести к категории средних. У одних станиц - больше, у других – меньше. Кроме того, у каждого двора вашей станицы имеются виноградные сады в среднем по четверти десятины.

Все ваши земли – распашные, сенокосные, огородные, выгоны, целинные, толоки, под озёрами и музгами – есть общественная собственность. Личной собственной земли у вас нет, как, например, в центральной России или в Малороссии, кроме как под дворами и виноградниками. Земли станичных юртов – общественные земли. Поэтому свой паевой надел вы продать никому не имеете права. Можете сдавать только в краткосрочную аренду до двух лет, не более.

Может быть, вам покажется, что это ограничение в землепользовании – ущемление ваших казачьих прав? Ничего подобного. Это не ограничение, и это не случайно.

Это мудрый и умный закон, ограждающий интересы и отдельного казачьего двора, и всего казачества в целом. Это – расчёт на то, чтобы ни один казачий двор не разорился и не впал в нищету. И вот почему: если бы у нас в области была собственность на землю, если бы казак имел право торговать своей землёй, как, скажем, торгует виноградом, скотом и хлебом, то казачество как таковое давно перестало бы существовать. Ведь не все люди одинаковы. Одни развиты, трудолюбивы, предприимчивы, смелы. Другие же наоборот – вялы, несообразительны, ленивы. Одной части людей, не исключая и казаков, присущи жадность, стяжательство, бесконечная жажда наживы, причём, наживы любой ценой, вплоть до обиды своего ближнего. Другая часть, в силу своего инертного характера, отсутствия предприимчивости и просто в силу порядочности делать этого не может.

Теперь представьте себе, что было бы, если бы у нас на Дону была собственность на землю с правом купли и продажи? Она бы давно уже была в руках нескольких богатых людей. Эти богатые люди, пользуясь тем или иным несчастьем какой-либо казачьей семьи, скупили бы за бесценок паевой надел казака. И такому казаку ничего бы не оставалось делать, как идти работать по найму, пополняя собою ряды рабочих-батраков или горнозаводской пролетариат, благо рудники под боком. Однако же на Дону этого нет. Хочешь идти работать по найму – изволь, иди, пожалуйста, но пай продавать не смей. Это было не в интересах бывшего государственного строя. В целях сохранения казачества как своеобразного сословия, необходимого власти для самозащиты, правительство и установило такой порядок. Оно не могло допустить обнищания казаков и постепенное его вырождение в силу того, что казачество много веков было надёжной опорой трона. Если какой казак впадал у нас по причинам, от него не зависящим, в бедность, то покидало его общество? Конечно, нет. У нас в каждой станице, в каждом хуторе были общественные хлебные амбары, откуда впавший в нищету получал безвозвратно семенную и продовольственную ссуду. В ведении каждого общества имелись общественные станичные и хуторские кассы взаимопомощи из средств от аренды общественных земель, рыбных и иных угодий. Деньги эти шли как на нужды самого общества, так и для помощи малоимущим и многосемейным казакам, особенно в случаях экипировки на службу. Всем известно, что, начиная с 1900 года, многосемейному или малоимущему казаку была установлена на приобретение лошади ссуда в размере ста рублей.

Скажите, много ли из вашей станицы было казаков у кого-нибудь в работниках?... Нет! Скажите, много ли из вас ушло из-за нужды на сторону в поисках куска хлеба?… Тоже нет! Вот так и нет и ни в одной станице. А если где и есть, то это единицы. Это

пропойцы, опустившиеся, недостойные казачьего звания элементы. Но их, повторяю, единицы и из-за них не стоило делать революцию.

В зале смех, хлопки. Польщённый таким вниманием, есаул снова сделал передышку, выпил воды, закурил. В самом же зале было накурено так, что пришлось открыть двери на двор. Не докурив папиросы и потушив её о тарелку, есаул продолжал:

Мы жили вольно и богато, ни о чём не заботясь и совершенно не думая о чёрных днях. И вот неожиданно, вопреки всему ходу истории, они наступили. Царя, защитника и покровителя казачества, нет. Почему, казалось бы, незыблемый, как сама Россия, строй внезапно рухнул, как подгнившее с корня дерево? Я не буду отвлекать вас объяснениями, от чего и как это получилось. Мне сказали, что об этом у вас в станице уже говорили не один раз.

Вполне естественно, что сформированное после падения монархии Временное правительство не могло быть узаконено без соответствующих выборов. Поэтому вопрос о дальнейшем образе правления должно было решать так называемое Учредительное собрание из представителей различных слоёв населения, избранных туда самим народом. Это собрание должно было решить, должна ли быть в России по-прежнему монархия во главе с наследственным царём или республика во главе с избираемым президентом и парламентом, по образцу некоторых европейских государств. Но нашлись такие люди, именуемые себя большевиками, вроде их большинство, которые вооружённым насилием свергли в октябре Временное правительство и стали у власти сами. А в ночь под шестое января разогнали тоже вооружённым путём собравшееся в Петрограде решать судьбы России Учредительное собрание. Характерно, что в этом собрании представительствовали и их делегаты по списку номер пять.

Так вот, эти люди самовольно, без всяких выборов, путём насилия, захватили власть в свои руки. Люди эти не признают не только царя. Они отрицают существование самого Бога, отрицают Родину, отечество. Они исключительно враждебно настроены против обеспеченных слоёв населения, к каковым относимся и мы с вами. Эти люди отрицают также сословия – дворян, купечество, духовенство ну и, конечно, казачество. Они не признают никакой собственности ни на что. Они проповедуют общественную собственность не только на землю, но и вообще на всё: на орудия труда, на жилища, на фабрики и заводы и даже на семью. Они собираются перестроить мир на каких-то неприемлемых человечеством началах. И перестроить это, не спросясь ни у кого, насильственным путём, приказом, хочет этого человечество или нет. Для этого они собираются согнать всех людей в так называемые коммуны, где люди будут жить в общих бараках, носить одинаковую одежду, есть из одного общего котла одинаковую для всех однообразную пищу, спать на общих нарах вповалку, мужчины и женщины…

В этом месте – оживление в зале, смех.

…И работать, работать, работать, не покладая рук. Работа – барак, барак – работа и опять барак. В этом они видят избавление от нищеты неимущей части населения, в роли защитников и благодетелей которых они, прикидываясь красивыми, но обманными лозунгами, выступают. Палкой, уравниловкой всех без учёта физических возможностей и умственных способностей человека они хотят облагодетельствовать человечество. Они кричат: «Долой войну, долой убийства!», - а сами с оружием в руках идут непрошеными избавителями на наш Тихий Дон.

Эти безумные фанатики, ослеплённые теорией их апостола, немецкого жида Карла Маркса и проповедями его последователя, нашего, русского Ульянова-Ленина, не могут понять простой истины, что насильственным путём мир перестроить нельзя.

Капиталистический строй со свободным предпринимательством и свободным землепользованием, при котором мы сейчас живём, не навязан человечеству насильно. Он пришёл сам по себе, постепенно, в результате изменений условий жизни. Сама

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

жизнь, без винтовок и насилия, привела человечество к такому образу жизни. При таком порядке мы, русские, живём каких-нибудь пятьдесят с лишним лет, но он оправдал себя, как порядок, приемлемый для всех сословий. Полная и совершенная свобода во всём. Хочешь – паши, хочешь – торгуй, хочешь – иди работать на фабрику, завод, железную дорогу, в шахты.

Приемлем такой строй? Безусловно! Строй этот родился в результате бесчисленных тысячелетних испытаний и приобрёл в настоящее время приемлемые и справедливые формы для всех. Но каков бы ни был тот или иной общественный строй, он всегда, во все времена и у всех народах зиждился на частной собственности на землю, скот, жильё, на орудия труда. Частная собственность есть залог заинтересованности любого подданного, любого государства, любых времён и любых народов. Частная собственность – это возможность производить как можно больше тех или иных, предназначенных для блага человечества ценностей для того, чтобы, продавая или меняя их, богатеть. А раз богатеть, то множить не только своё, но и общественное благополучие. И это выгодно любому государственному образованию, как залог не только частного и общественного благополучия, но и как залог мощи самого государства.

Частная собственность – в инстинкте каждого человека. Такой же инстинкт, как инстинкт жизни, такая же потребность для человека, как есть, пить, одеваться, любить, работать, спать. Даже животные, птицы и насекомые не лишены этого чувства собственности. Собака дерётся за брошенную ей кость. Птица бьётся за своё гнездо. Пчела не пускает в свой улей пчелу из другого улья, муравей – чужого муравья в свой муравейник. Едва у ребёнка начинают проявляться проблески сознания, ещё не осмысливая цели применения игрушки, он уже цепко держится за эту его игрушку и не отдаёт её другому ребёнку.

Господа коммунисты говорят, что в мире животных это делается бессознательно. Человек же – существо разумное и должен поступать разумно. Но в том то и дело, что как жизнью животных, так и жизнью человека, пусть даже совершенством Природы, каким он является, всё равно руководят и направляют его деятельность в основном жизненные инстинкты. Если бы порядок, который хотят насадить нам большевики, был правильным, если бы он был приемлем для человечества, разве человечество отказалось бы от первобытного коммунизма? Разве оно не пошло бы по пути его дальнейшего развития и совершенствования? Безусловно, пошло бы. Однако же этого не случилось. И вот теперь к такому первобытному строю нас хотят возвратить безумцы, именующие себя большевиками-коммунистами. Этот порядок они идут насаждать и у нас на Тихом Дону. Насаждать силой оружия. Своей пропагандой этого нового, но вместе с тем и первобытного порядка, они одурманили головы несознательной части казачества, одни из которых, изменив родному краю, предательски идут в их рядах. Другие же отказываются помочь нашей родной донской власти, нашему избраннику, атаману Каледину, приостановить продвижение большевистских орд на Тихий Дон. Это та часть казачества, которая была на фронтах войны, а теперь возвратилась в свои станицы. И, не сознавая, какой колоссальнейшей опасности подвергается наш родной край, они отсиживаются, чего-то выжидая. Это отцы многих из вас.

Правда, они очень многое перенесли за эти три с половиной года. Им надоели окопы, грязь, вши, разлука с семьями, постоянный страх смерти, но они никак не могут понять того, что и их семьи ожидают во сто крат худшие невзгоды, если Доном завладеют непрошеные «освободители» со своими бредовыми порядками. И только небольшая горсточка истинных сынов России и Дона под командой есаула Чернецова великим напряжением своих немногочисленных сил сдерживает на севере полчища гуннов двадцатого века. И такие же горсточки сдерживают большевистские отряды со стороны Таганрога.

Большевики движутся сейчас только вблизи железных дорог. Оторваться от железной дороги вглубь области они боятся. Они не уверены, что сочувствующая им, но бездействующая часть фронтового казачества поддержит их. Поэтому сейчас - самый благоприятный момент сдержать большевистское нашествие. Именно сейчас, пока они не продвинулись сюда, ближе к Новочеркасску. Потом будет поздно!

Хуже того, небольшая кучка фронтового казачества здесь, в станице Каменской, поддавшись прельстительной агитации, преступно изменила своему законному донскому правительству и сговорилась с красными насадить на Дону неприемлемые для него советы. Представляя из себя лишь незначительную часть населения Донской области, части эти, руководимые подхорунжим шестой казачьей батареи, необразованным казаком Усть-Хопёрской станицы Подтёлковым, вошли в преступную связь с Советом народных комиссаров в Петрограде и противостоят теперь законному донскому правительству. Они самовольно объявили себя представителями всего казачества, хотя их никто не выбирал и никто не уполномочивал, кроме незначительного числа казачьих частей.

Молодёжь Тихого Дона! Ваша славная родина, батюшка Тихий Дон, в величайшей опасности! В эти исторические, поистине считанные дни, решается его судьба – быть ему свободным, вольным или впасть в порабощение во сто крат худшее, чем было когда-то крепостное право на Руси! На вас, молодое поколение вольных донских степей, с надеждой и упованием смотрит выбранный вашими дедами и отцами законный ваш правитель, донской атаман, коему вы вверили свою честь, свободу и жизнь! Не видя поддержки у обманутого большевиками фронтового казачества, покинутый ими в это ответственейшее для родного края время, он обращается к вам, молодые казаки, с призывом взяться за оружие и стать на защиту родных куреней!…Все, кто желает откликнуться на этот крик патриотической, страдающей души могут записываться у вашего станичного атамана в добровольческие партизанские отряды. Я не требую этого делать сию минуту. Разойдитесь с этого собрания по домам к своим отцам и матерям, расскажите им, в какой опасности Дон, в какой опасности не только ваше имущество, но и сама ваша жизнь! Просить их благословить вас на ратные подвиги во имя спасения чести и самостоятельности Тихого Дона, во имя чести ваших матерей, сестёр, жён и невест!

С таким же призывом обращаюсь я и к вам, молодёжь пока не казачьего сословия! Берите оружие наравне с истинными сынами Дона и гоните прочь непрошеных «доброжелателей» донских просторов с вашей тоже родины! Его Высокопревосходительством, господином донским атаманом, я уполномочен заявить, что те иногородние, которые с оружием в руках примут участие в защите Дона от большевистского нашествия и проявят в боях храбрость, стойкость и самопожертвование, будут по ходатайству Войскового Круга и лично самого господина атамана перед станичными обществами приниматься в казаки как они сами, так и члены их семей, с наделением землёй в таких же размерах, как и паи коренных казаков, и им будут предоставлены такие же льготы, какими пользуются коренные казаки…

- Я кончаю своё выступление. Если у кого из вас есть ко мне вопросы – прошу!

- Господин есаул! – все оглянулись. Говорил старый фронтовик Василий Яковлевич Рубцов, про которого ходили слухи, что он был членом полкового военно-революционного комитета 50-го Донского казачьего полка и уж больно рьяно якшался на фронте с большевиками.

- Можно вопрос?

- Пожалуйста!

- Вот вы упрекаете фронтовиков в прямой измене Дону. Говорите, что мы отсиживаемся и чего-то выжидаем, покинули своего атамана и не поддерживаем его и так далее. Скажите, господин есаул, вы сами – донской казак?

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- А как же?! Конечно! Я – чистокровный донец станицы Константиновской, фамилия моя Лиманцев, звать Евгений Николаевич. Но проживаю постоянно сейчас в Новочеркасске, где имею собственный дом по проспекту Баклановскому. В 1911 году закончил юридический факультет Московского университета. На фронт пошёл добровольно и был от и до, причем все три года – на передовых позициях. Командовал сначала взводом, а потом четвёртой сотней Донского казачьего генерал-адъютанта, графа Орлова-Денисова полка. Помимо офицерских наград и отличий за боевые действия имею ещё солдатские Кресты всех четырёх степеней, чем по праву бесконечно горжусь. Имею восемь, правда, лёгких ранений, которые излечивал, не выбывая из строя.

- Мы видим это, господин есаул, и преклоняемся перед вашими заслугами перед Родиной. Но скажите, господин есаул, зачем наше донское правительство принимает на Дон всякую российскую шантрапу? Там, в России, они натворили делов, а спасаться от ответа бегут на Дон! Да мало того, что спасаются, так ишшо и формируют отряды для борьбы с Россией. Конечно, кому это понравится? Не нравится это и большевикам, раз против них собираются воевать. Вот они и идут сюда войной. Только они идут не против Тихого Дона, не против нас, казаков, коренных жителей Дона, а против тех, кто собирается бороться с ними силой оружия. Зачем же донской атаман принимает на Дон врагов России? Вот ответьте на это, господин есаул!

- На Дон сбегается не разная российская шантрапа или враги народа, как вы изволили выразиться, - еле владея собой, отвечал есаул, - а самые лучшие русские люди, для которых власть большевиков так же неприемлема, как и для казачества… К сожалению, у меня совершенно нет времени рассказать поподробней всю нашу славную историю. В своём выступлении я коснулся её только немного, вскользь, но об одном славном обычае донцов не лишне напомнить ещё раз. Как я уже говорил, на Дон бежали все обездоленные и угнетённые. Бежали от притеснений и обид, бежали от невыносимой жизни. Беглецов ловили и возвращали. Но тех, кто всё же сумел пробраться на Дон, с самого возникновения казачества, никого не выдавали. Донцы отказывали словами: «Мы никогда не выдавали людей с Дона. Дон только и держится пришлым людом».

Тогда бежали от притеснений помещиков и царских сатрапов, сейчас же бегут от «прелестей» большевистского рая. Бегут, защищая свою свободу и честь, притесняемые и оскорбляемые истинно русские люди, а не враги России. Так неужели же сейчас, в трудную годину для всего честного, исконно русского, мы нарушим свою славную казачью традицию «С Дона выдачи нет» и будем выдавать на растерзание озверелым бандам всех тех, кто прибегает к нашей защите?… Нет – лучше смерть, чем позорная жизнь с именем предателя.

Теперь возьмём другую сторону дела. Разве лишние полки и даже целые дивизии, скомплектованные из волонтёров российских беженцев, помешали бы донцам в защите их края? Наоборот, донцы должны быть бесконечно благодарны за то, что находится такая внушительная бескорыстная сила союзников в нашем общем, святом деле.

Есаул посмотрел на часы:

- Напомню ещё об одном славном обычае донцов. В те далёкие времена, когда донская территория или, как её тогда называли – «Дикое Поле», была ещё окраиной русского государства, когда соседями донцов с юга, со стороны теперешних Ставропольской губернии и Кубанской области были всё те же нагайские татары, над донскими станицами висела ежедневная опасность от их разбойничных набегов.

Подобно степному урагану, татары на своих маленьких, но выносливых и резвых лошадках неслись на мирные донские станицы, и горе было той станице, которая не приняла своевременно мер к обороне. От такой станицы оставались лишь одни пожарища да груды тел, которых и хоронить-то было некому. Всё, что налётчики не могли с собой увезти, предавалось огню, а скот угонялся. А тех, кто оставался в живых,

а они щадили только всё молодое, красивое и здоровое, угоняли в плен и продавали в рабство в Турцию, Персию и другие азиатские страны.

Беспечное казачество, дисциплинированное только в военное время, во время военных походов, когда за малейшее неповиновение, за малейшее невыполнение боевого задания полагалось только одно наказание – смерть, стало применять эту дисциплину и при вынужденной обороне станиц от татар. Услышав, что соседи начали пошевеливаться, а слухи тогда распространялись по степи чуть ли не быстрее, чем в наши дни по телеграфу, станицы организовывали оборону. Из своей среды из наиболее храбрых, боевых и распорядительных казаков выбирался на это время атаман-военоначальник и устанавливалась жесточайшая дисциплина. И это не раз спасало донские станицы от разорения, а людей – от истребления и угона в рабство.

Но наши предки тоже не сидели, сложа руки. Совершенно незаметно для зорких глаз сторожевых татар, искусно маскируясь всевозможными природными укрытиями – травой, камышами, балками, они подкрадывались к татарским аулам и жестоко мстили за набеги.

Сейчас же избранный нами атаман остался в защите Дона почти одиноким. Он не только не пользуется вашей поддержкой, но, наоборот, он видит в каждом из вас, фронтовиков, враждебное отношение ко всем мерам, проводимым им по недопущению на Дон большевистской заразы.

Отравленные ядом большевистской агитации, вы совершенно не сознаёте, на краю какой бездонной пропасти вы стоите и тянете за собой других. Если Проведению будет угодно ввергнуть наш край в пучину тяжких испытаний, вы увидите тогда, как вы, проявляя лояльность к большевикам, жестоко ошибались. Но будет поздно! Обязан ещё раз вас предупредить, что основное в большевистской пропаганде – это отрицание частной собственности на что бы то ни было. Вы только на минуту представьте, что это значит, когда в ваш дом забирается вор и забирает ваше, потом нажитое имущество. Вы как, спокойно на это посмотрите? Конечно же, нет! Вы поднимете на ноги всех! За вас заступится власть, вам будут рады помочь соседи, родственники и все честные люди. Теперь скажите, как вы будете смотреть на то, когда в ваш двор придут не воровски, ночью, а днём, совершенно открыто, незванные, враждебные вам люди и скажут: «Отныне ни земля, ни курень твой, ни скот, ни виноградники, ни то, что в доме, ни то, что на тебе – не твоё!». Скажите, как вы отнесётесь к этому дневному, узаконенному грабежу? Кому вы пойдёте жаловаться? К кому побежите взывать о помощи?

Сзади громовой взрыв и сочувствующих, и негодующих криков:

- Клевета!!!

- Брехня!!!

- Дюже умные стали, холеры!

- Арестовать подлецов и под конвоем на хронт!

Хрясь! Дзынь! Кто-то кого-то ударил. Кто-то нечаянно в суматохе разбил школьное окно. Мы повскакивали со своих мест и с интересом стали наблюдать перепалку старых фронтовиков с отцами. Атаман напрасно старался навести порядок. Его никто не слушал, пока разбушевавшиеся страсти не улеглись сами. В утихающей «галёрке» не переставали ещё пикироваться вполголоса:

- Ишь, умники какие!

- Да уж куда там – дюже грамотные! Вас переговорить – нужно пуд соли слопать!

- Тише!

Есаул стоял у стола и нервно кусал губы. Правую руку он всё время держал в кармане брюк. По-видимому, у него там что-то на всякий случай было. Наконец, когда все успокоились, есаул спросил:

- Ещё есть вопросы?

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Господин есаул, а как насчёт обмундировки? – спросил кто-то из молодёжи, - А то вот если идить, а идить не в чем, сапоги совсем развалились, а чинить нечем – ни подмёток, ни союзок ни за какие деньги нигде не найдешь.

- В отношении обмундирования должен предупредить – туговато. Из станицы придётся выступать пока в своём. А там, на сборных пунктах, будет соответствующий смотр, и тем, у кого действительно плохо с одеждой и обувью, будет выдано всё необходимое. А вообще я уполномочен заявить, что как за одежду, так и за обувь после определения их качества и степени пригодности будет производится немедленная оплата по стоимости, определённой смотровой комиссией.

- Господин есаул, - поднялся другой, - а как вот быть в таких случаях – у меня отца нет, он погиб на фронте, а нас у матери шестеро, и я – самый старший, вроде как кормилец. На кого я их брошу?

- Я же сказал вам, ребята, что это – не поголовная мобилизация. Сейчас это – исключительно добровольный набор бойцов из почти призывных возрастов. Вопрос сейчас стоит так: для защиты Дона нужны люди не по принуждению, а исключительно сознательные, сознательно идущие даже на смерть во имя спасения родного края. Только на такой состав бойцов может положиться наше войсковое правительство в это смутное время. Если кому из вас по семейным обстоятельствам нельзя идти служить, то принудительно вас заставить никто не может. Но если вы изучали Русскую историю, то должны помнить, что триста лет тому назад на Руси также было смутное время. Россию тогда терзали кому, как говорится, не лень. Даже Кремль в Москве, это сердце России, был одно время занят поляками. По всей стране тогда бродили шайки разбойников. Мирный народ разбегался из сёл и городов по лесам. Всем тогда казалось, что Россия погибла. Даже некоторые донские полки, сбитые с толку слишком сложной обстановкой с престолонаследием русских царей и междуцарствием, думая в простоте душевной, что они, казаки, тоже за Россию, стали на стороне её врагов, на стороне польского ставленника на русский престол, сначала Лжедмитрия первого, а потом Лжедмитрия второго. Но нашёлся на Руси один человек, спасению которому обязана Россия. Это был простой нижегородский купец Козьма Минин. Видя, что Россия на краю гибели, он обратился к своим горожанам с горячим патриотическим призывом: «…Хотим помочь московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего – дворы продавать, жён и детей закладывать!»

Страстно взывал он к русскому народу, и Россия была спасена. А Сусанин? Разве он, имея семью, не отдал за Россию свою славную жизнь тогда же?

Вот видите, во имя спасения Родины русский народ не жалел ничего – ни имущества, ни жён, ни детей, ни самих себя. Сейчас такое же смутное время. Сейчас мы должны отбросить все свои личные интересы и думать лишь о спасении хотя бы Дона. Я уже не говорю об остальной России. И я уверен, что завтра все здесь присутствующие из тех возрастов, которые сюда приглашены, все, как один, запишутся в добровольческие дружины по отпору красной опасности. Само собой разумеется, что это сделать и господам старикам, и господам фронтовикам не только не возбраняется, а наоборот – приветствуется. Поймите же ещё раз – Дон в страшной опасности!

- Господин есаул, а когда выступать? И как выступать, под чьей командой?

- Чем скорее, тем лучше! Я думаю так, сейчас вы разойдётесь по своим домам, посоветуетесь с вашими отцами, а к часам восьми вечера соберётесь в станичное правление к господину атаману и там дадите своё письменное согласие. Если со всеми формальностями будет покончено сегодня же, то завтра с Богом – и в Новочеркасск. Поведут вас господа офицеры, которые должны прибыть в станицу с часу на час. Ждать нечего… Есть ещё вопросы? Нет?… Значит, всё ясно? … А теперь прошу расходиться по домам и поставить в известность о том, что вы здесь слышали, своих родителей.

Выйдя из школы, фронтовики и старики, разбившись на кучки, опять начали громко спорить. Их красные, возбуждённые лица дышали злобой и ненавистью друг к другу. Они готовы были вот-вот сцепиться в драке опять, но фронтовики всё же из уважения к преклонным годам прекращали дебаты первыми.

Дома я застал в гостях у отца двух его однополчан с верхнего края станицы. Они сидели в зале и выпивали. Находясь под впечатлением патетической речи есаула-вербовщика, я рассказал, по какому случаю нас вызывали.

- Я вечером пойду и запишусь.

- Нет, ни вечером, ни ночью, ни завтра утром ты этого не сделаешь, если на плечах у тебя голова, а не вот эта одна шапка, - сердито отрезал отец.

- Почему?

- Да потом, что вас, дураков, уговаривают идить класть головы, а за что класть – неизвестно. Ведь я тебе сколько раз говорил, что большевики идут только против богатых, против всех тех, про которых тебе сколько раз говорила твоя покойная бабушка: «Придёт время, начнут этим пузачам резать пузы!» Помнишь? Вот оно и пришло. А кому нужна твоя с… пара быков, да курень-завалюха?

- Так зачем же они тогда лезут к нам на Дон? Ведь на Дону-то у нас помещиков нет.

- Как это – нет помещиков? Кто это тебе сказал?

- Сегодня есаул говорил на собрании.

- Брешет твой есаул. И в Донской области их полно. Возьми только Таганрогский округ да север Донецкого. А потом, сколько их понабежало сейчас сюда из России? Тысячи! Это одно. А другое – Дон-то ведь русский. Так что же по-вашему, он должен быть отделён от России, как говорят некоторые наши господа начальнички. Ведь этого же никак не может быть. При любой, какая бы власть в России ни была, Дон, находясь почти в серёдке России, не может быть самостоятельным. Ведь нас, такую маленькую кучку, всё равно рано или поздно, а Россия раздавит, как козявку. Так что выбрось ты это из головы. Твои есаулы приглашают вас не Дон защищать, а богатство и власть этих есаулов.

- Ты, Андрюша, ишшо молод, - вмешался в наш разговор один из гостей, - ты ишшо в этих делах разбираться не можешь. Наговорил вам кто-то кучу брехни, а вы уже и уши развесили. А мы, слава Богу, многое повидали и кое о чём понятие имеем. Почему они ни разу не собрали фронтовиков да не поговорили с ними? Да потому что знают, что фронтовики не пойдут на их удочку, что фронтовики посажают их на этих собраниях в калошу. Вот они и мутят необстрелянную молодёжь. Вот подождём. Ты знаешь, в Каменской идёт, а, может быть, уже и закончился съезд всего донского фронтового казачества. На этом съезде находятся и делегаты от нашей станицы. Вот послухаем их, когда они приедут.

Встретившись вечером со своими ребятами, мы переговорили между собой, и никто из нас в правление не пошёл и никто никуда не записался. Не записались и те из молодёжи, отцы которых числились в «стариках», то есть не были на фронте, но которые больше всех кричали на митингах об организации отрядов против большевиков. Записались только трое иногородних – Сашка Панарин, Васька Шорников и Володька Дроздов. Записались заслужить казачество. Так уж им, бедным, хотелось стать казаками и щеголять перед девками лампасами и казачьими фуражками, как щеголяла их ровня, родившаяся в счастливой рубашке казака.

Но двоим из них – Сашке и Василию – не пришлось осуществить не только свою мечту, но и надежду их отцов. Через несколько дней после поступления в добровольческий партизанский отряд есаула Чернецова они где-то недалеко от

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Луганска отдали свои молодые жизни за чужое им дело в первых же боях с красногвардейцами отряда Саблина.

Володька Дроздов, записавшийся первым, благоразумно куда-то скрылся и вынырнул только в конце февраля, когда красные заняли Новочеркасск.

5

- Бом! Бом! Бом! – беспрерывно почти около получаса гудит набат. Наверное, плохо собираются станичники на станичную площадь, так как, затихая на минуту, медный глашатай вновь призывно и властно зовёт на станичный майдан станичников. Но казаки вяло и неохотно идут слушать то, что уже слышали десятки раз.

Но вот по станице разнёсся слух, что этот митинг необычный – возвратились из Каменской станичные делегаты съезда фронтовиков и будут отчитываться перед всеми станичниками за свою поездку. И к правлению повалил и стар и млад.

Было тепло, и митинг организовали на площади. Выступает один из делегатов – Трофим Николаевич Нюхарев, высокий, худощавый казак лет тридцати семи.

- Граждане станицы! С десятого по пятнадцатое января мы вот вдвоём со Стефаном, - указал он на сидевшего за столом второго делегата, – Стефана Евграфовича Чеботарёва, - были в станице Каменской на съезде фронтового казачества. Два дня ехали сто с лишним вёрст от Каменской до города, знаете, как теперь ходят поезда, да три дня околачивались в Новочеркасске. Всё вынюхивали, где чем пахнет. Да по приезде домой нужно было трошки отдохнуть. Вот немного и опоздали со своим отчётом перед вами. Вы уж нас за это извините.

- Да чего там извиняться? Давай, валяй скорее дальше!

- Для чего созывался этот съезд? Этот съезд созывался для того, чтобы, значит, договориться о власти на Дону.

- А чего ишшо договариваться, когда она, эта власть, есть – атаман Каледин, - крикнул кто-то сзади.

- В том-то и дело, что Каледин есть, а власти нет. Здорово его слухают? Только вот по собраниям да митингам тары-растабары, а поддерживает его кто? Не знаете? Вот то-то и оно! Значит, ему никто не верит. Какая же это, прости Господи, власть, ежели ей никто не верит, ежели ей нет доверия?

- Мы верим, мы доверяем!

- Хорошо! Ежели вы верите и доверяете, то почему же вы не идёте защищать эту власть? Ведь вас же на каждом митинге призывает к этому атаман!

- Мы своё отвоевали!

- Ага! Вы отвоевали! Вы, значит, атаманскую власть хотите, а защищать её не хотите! Вам хочется, чтобы головы за неё подставлял кто-то другой. Не выйдет!… Не хотим мы этого правительства, не доверяем мы ему. А почему не доверяем? Да потому, что он, Каледин, открыто начал войну против России.

- Не против России, а против красной гвардии.

- А красногвардейцы кто – немцы?

- Хуже!

- Тише! Дайте человеку сказать!

- Красногвардейцы и большевики такие же русские люди, как и мы с вами. Большевики – это новая государственная власть России, избранная народом на Втором Всероссийском съезде Советов в Петрограде 26 октября прошлого года. Большевики за народ, за трудовой народ! За нас с вами! Они идут сейчас на Дон вооружёнными потому, что на Дону засела контрреволюция, которая угрожает этой новой Российской власти, потому что атаман Каледин приютил на донской земле всех ярых врагов этой новой власти, которые бежали сюда из России – дворян, помещиков, князей, купцов,

разных баронов, которые не только спасают свои шкуры за казачьей спиной, но ишшо и организовываются в вооружённые отряды, чтобы с оружием в руках идти на Россию. Кому это понравится? Что же, по-вашему, остаётся делать большевикам? Спокойно, сложа руки, ожидать, когда придут их вешать разъярённые революцией господа? Так, что ли? Вот поэтому-то, в целях самозащиты и идут большевистские отряды на наш Тихий Дон!

На Каменском съезде большевики торжественно заверили, что как только власть на Дону перейдёт к людям, которые признают советскую власть и её правительство - Совет Народных Комиссаров, как только эта власть обезоружит все действующие против советской власти отряды и вышлет из пределов области к местам своих прежних местожительств всех бежавших из России, большевики прекратят наступление и отзовут из пределов области все свои вооружённые силы. Кто в красногвардейских отрядах? Рабочие, матросы, солдаты, хлеборобы, шахтёры! Кто из вас не знает этих шахтёров? Все ездят к ним за углём, видят их, разговаривают с ними, кое-когда даже приходится ночевать в их хатах. Так кто же они – генералы? Это несчастные труженики, на месте которых вряд ли кто из вас согласился бы стать. Они своими руками добывают себе хлеб насущный. Мы, хлеборобы, также своими руками добываем этот хлеб себе. Значит, они такие же труженики, а не белоручки. Так чего же мы будем с ними делить?

Мы вместе с ними проливали почти три года кровь на войне. Кровью своею они завоевали себе свободу и такую власть, закон которой – облегчить жизнь простому народу. Люди эти похерили царские порядки, при которых уже невмоготу стало жить этому простому народу, а засевшие на Дону царские приспешники, «голубая кровь», которые и за людей-то нас не считали, которые никогда не знали, что такое труд, что такое трудовые мозоли, а жили за счёт других, теперь с оружием в руках хотят обратно восстановить эти порядки. Разве это понравится трудовому народу? Вот поэтому-то большевики и идут сюда войной. Но только идут не на казаков, на тех, кто целые века издевался над простым народом и хочет опять жить за счёт тех, кто в поте лица своего трудился в поле, на заводе или на рудниках.

Атаман Каледин не хочет выдавать этих господ и этим накликает беду на всех казаков. А зачем это нам нужно? Поэтому в станице Каменской десятого января фронтовым казачеством избран Донской Военно-революционный Комитет во главе с простым нашим донским казаком верхних станиц Фёдором Подтёлковым, которого должны знать те наши станичники, которые служили вместе с ним в шестой гвардейской батарее.

- Как же, знаем! Это вахмистр наш!

- Так вот, Комитет этот предъявил Каледину следующие требования. Первое – это то, что с 10 января власть на Дону должна перейти в ведение этого Комитета. Второе – все отряды, которые действуют против революционных войск, должны быть разоружены, а их участники, которые не жили до этого на Дону, должны быть выселены за пределы области в места их прежнего местожительства. Третье – город Новочеркасск должны занять революционные казачьи части. Четвёртое – прежнее правительство Каледина должно добровольно сложить с себя власть и передать её областному казачьему Военно-революционному Комитету.

Этот ультиматум был предъявлен делегацией революционного Комитета Каледину в Новочеркасске 15 января. Делегация шла на мирное разрешение вопроса, но Каледин отклонил это разумное требование и ответил своим ультиматумом. Разрешите зачитать?

Нюхарев стал читать ультиматум Каледина, которым действия Военно-революционного Комитета считались незаконными, так как он, этот Комитет, представлял собою не всё население Донской области, а только лишь незначительную часть четырёх её полков, одной отдельной сотни, пяти батарей, одного батальона и

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Каменской местной команды. Каледин заявил, что законным правительством, законной властью на Дону является только Войсковой Круг, свободно избранный, при полной свободе агитации всем населением области на основании прямого, равного и тайного голосования. Каледин заявил, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь только местное население.

«Правительство Дона полагает, - говорилось в ультиматуме, - что если посторонние области отряды не будут идти в пределы области, гражданской войны не будет, так как правительство защищает только свой край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает и поэтому не желает, чтобы на Дону навязывал кто-нибудь свою волю… Войсковое правительство не допускает и мысли, чтобы свои, донские части, выступили против правительства и тем самым начали войну на Тихом Дону… Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношение с Советом Народных Комиссаров и пользоваться его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния Советов Народных Комиссаров на Донскую область. А между тем, Казачий Круг и съезд неказачьего населения всей области признали власть Советов неприемлемой, так же, как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи части».

Как только Нюхарев кончил читать, раздался взрыв и одобрительных, и негодующих голосов:

- Браво! Ура!

- Правильно!

- К чёрту! Зачем ты читал эту ерунду?!

- Сам чёрт не разберёт, кто прав!

- Поп – своё, а чёрт – своё!

- Всех бы под одно гузно – и большевиков, и кадетов!

- Да тише вы, ради Христа! Дайте человеку кончить!

- Ясно, что Каледин заигрывает с казаками, - продолжал невозмутимо Нюхарев, - обещая нам три короба всякой всячины: и свободные выборы, и контроль над добровольческой армией, и не идти на Россию, и ишшо, и ишшо! Если мы, фронтовики, попадём на эту удочку, то потом Каледин, если будет его верх, всё нам припомнит. Он припомнит нам наши шатания между большевиками и кадетами. Так уж лучше держаться одного по пословице «Взялся за гуж – не говори, что не дюж». Лучше уж поддержать наш Военно-революционный Комитет, который уже признал советскую власть. Вод послухайте, я вам зачитаю ишшо одну бумажку.

«Донской казачий Военно-революционный Комитет просит передать в Петроград в Совет Народных Комиссаров следующую резолюцию Донской области:

Казачий Военно-революционный Комитет на основании постановления съезда фронтового казачества в станице Каменской постановил:

1. Признать центральную государственную власть Российской Советской Республики и центральный исполнительный Комитет съезда казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов.

2. Создать краевую власть Донской области из съезда советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

Оглушительный рёв озлобленных стариков:

- Долой!!! Кто разрешал?!

- Кобыле под хвост!!!

- Не признаём!!!

- Сукины сыны – пропал Дон!!!

- А кто в этом комитете? Зачитай, кто в комитете!!!

- Подтёлков Фёдор, - начал перечислять Нюхарев, не глядя в список, - казак станицы Усть-Хопёрской, подхорунжий, как я уже сказал, шестой донской гвардейской батареи. Его знают многие наши станичники-батарейцы. Кривошлыков Михаил – казак

станицы Еланской,… Лагутин Иван – казак станицы Букановской, первый председатель казачьего отдела при Всероссийском центральном исполнительном Комитете второго созыва… Кудинов – казак станицы Вёшенской… Минаев – казак…

- Хватит! Ясно! Одна чега востропузая, неграмотная!
- Наших, низовских, ни одного нету!
- А зачем хозяева?
- Вот это начальство себе нажили – хучь бы один с погонами!
- Дожили! Приехали!
- Да уж куда не приехали? Дальше, кажись, и ехать некуда!
- Хучь чёрный пёс, хучь белый, а всё равно пёс!
- А мне нехай будь пёс, а бы яйца нёс!
- С них начальство, как с китайского ампиратора чеботарь!

Крепко держались старики за изведанное, привычное. В их головах, привыкших к раболепию перед погонами всякого начальства, совершенно не укладывалась мысль, какое может быть начальство из простых, нечиновных казаков. Какая ещё может быть власть, чем та, при которой родились и жили их прадеды, деды, отцы и они сами. При которой они истоптали немало чужих земель, а в мирное время жили вольно, зажиточно, не зная нужды в земле-кормилице, из-за которой, в сущности, и загорелся весь этот сыр-бор. До их сознания никак не могло дойти, как это можно жить без царя, без генералов и атаманов. И зачем всё это привычное нужно менять на какую-то неизведанную, другую власть, когда и при старой жилось – дай Бог каждому.

Фронтовики же под влиянием лишений, перенесённых за три с лишним года на этой небывалой войне, смутно, подсознательно понимали, что наступают другие, новые во взаимоотношениях между людьми, времена. Но что это за времена, как оно будет, они совершенно не представляли, хотя на фронте все и слышали выступления большевиков, читали их «Окопную Правду», знали одни более, другие менее программу большевиков. Но под воздействием агитации атаманских пропагандистов, построенной исключительно на врождённой, верноподданнической психике казака, они начали уже колебаться в правоте большевистских идей, сомневаться в жизненности их программы. Поэтому на этом митинге, созванном, главным образом, для фронтовиков по инициативе станичных делегатов на Каменском съезде – Нюхарева и Чеботарёва – они, фронтовики, не желая серьёзных конфликтов с отцами, сдержанно реагировали на злобные их выкрики.

На этом митинге никого из приезжих не было. Из станичных властей был только один станичный атаман, проявивший полную пассивность. На предложение одного из делегатов выступить и сказать что-нибудь, Пантелей Иванович отрицательно покрутил головой. Но зато вместо него попросил слово и выступил дед Минай. Он слыл за бывалого и даже начитанного человека. Ещё далеко до свержения царя он осторожно поругивал попов за их алчность, хотя церковь посещал аккуратно. Непочтительно отзывался и о верховной власти, потакавшей народным обидчикам. Открыто выражал недовольство офицерством за высокомерие и рукоприкладство. Одним словом, в станице он слыл чуть ли не за революционера. За его насмешки над духовенством на него косилась богомольная часть станицы, а на исповеди священники, а в последнее время и отец Иван накладывали на него епитимьи. Но зато его чуть ли не боготворила станичная молодёжь. Он был и балагур, и весельчак, и запанибрата со всей молодёжью. Кроме того, он был ещё и заядлым охотником. Никто в станице не мог лучше его стрелять на лету птицу или бить на ходу зайца. В охотничьих походах, несмотря на свои далеко за шестьдесят, с ним не могли равняться тридцатилетние. На охотничьих привалах или ночёвках в какой-нибудь заброшенной степной землянке никто лучше него не мог изощряться в охотничьих фантазиях, полных невероятных охотничьих удач и приключений. В общем, дружил он больше с молодёжью, приходившейся ему по возрасту внуками.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Предоставляя ему слово, президиум митинга ожидал услышать от этого деда что-либо в поддержку фронтовиков. Но неожиданно для всех и к удивлению даже стариков, он обрушился на фронтовиков с самой грубой бранью. Его несвязная речь, полная бешеной ненависти к большевикам, то и дело прерывалась одобрительными криками стариков, почти при полном молчании опешивших фронтовиков.

Он вошёл на крыльцо правления, которое во всех случаях служила трибуной для собраний на открытом воздухе даже зимой при не особенно холодной погоде, снял с головы свой заячий треух и бросил его под ноги. Стояла оттепель, и дул небольшой свежий, но не холодный, ветерок, который сейчас же заиграл космами густых, седых, подстриженных под «горшок» волос деда, а потом переключился на длинную, такую же густую и седую бороду. Как библейский пророк-обличитель стоял дед Минай перед затихшей толпой в распахнутом чекмене, с поднятой палкой в правой руке, а левую выкинул вперёд. Он потряс своим сучковатым байдиком и закричал охрипшим, срывающимся голосом, переходящим порой в фальцет:

- Братцы! Господин атаман! Старики! Надёжа Тихого Дона!… Чего ж мы глядим? Пока нас тут уговаривают, как курвов, там не дремлют!… Жиды и комиссары идут на наш батюшку Тихий Дон, а мы тут рассусоливаем!… А мы тут митингуем!!! Зачем они идут к нам, кто их сюды приглашал?… Что же вы молчите, православные?!
Никогда, с покон веков, не жили мы чужим умом, и как жили!… Зачем нам эти комиссарские учителя, зачем нам нужны их указки, как жить?!… Так что же вы молчите?!… Казачеству приходит конец, а вы молчите!!! Неужто вы слухаете этих изменников казачеству?! – указал он палкой на делегатов и фронтовиков. – Они изменили России, бросили фронт, а теперь изменяют Дону!!!… Где же ваша честь казачья, сукины вы сыны!!!

- Ну, ну, ты не дюжа, старый пёс! Сам уже сед, а ума и доси нет! – крикнул кто-то из фронтовиков.

- Спаси Христос, внучки и детки, и на этом! – театрально поклонился дед Минай в сторону голоса, - Спаси Христос на добром слове! Так вот она какая, эта ваша новая власть?! И дедов, значит, можно обзывать собаками?… Атаман, где твоя власть? Чего же ты смотришь? Взял бы стервеца, да при всём честном народе плетюганом! Ну, ничего – уж такое моё ремесло, что к собакам занесло. А собака и на владыку лает! И хоть я и старый пёс, да верно свою службу нёс, а вы молоды годами, да уж дюже стары бедами…

- Правильно, Минай, крой падлюк!

- Старый ворон не каркает даром!

- Пращуры и прадеды ваши костями своими завоевали вашу землю, - продолжал дед Минай, - кровью и потом своим полили, слезами ваших прабабок земля эта пропитана!!! А вы так, за здорово живёшь, прос…. готовое!… Не умом набиты ваши головы, а требухой!… Царь был плохой – скинули!… Временное правительство было нехорошим – под такую мать!… Учредительное Собрание, что хотело нам божецкую власть назначить – под ж… коленом!… Да что ж это такое?! Кого вы хотите, сукины вы сыны?!… Я вас спрашиваю – кого вы хотите?!… Что это такое – центральная государственная власть Русской советской республики?… А?… Молчите?!

- Говори дальше – потом скажем!

- А-а-а!… «Потом скажем»! Нет, я сам вам скажу. «Режь публику» – вот кто это, и вы «признали». Да кто вам, сукиным сынам, такие права дал? А вы спрашивали у своих отцов, а?!… Какое такое вы имеете право распоряжаться землёй, которую вы не завоёвывали?!… А?!… Молчите?! И будете молчать, потому что нечем крыть!… Зачем вы приглашаете сюды этих голодранцев, этих каплюг (пьяниц), этих ваньков не чёсаных, лапотников? …

- Борода велика, а ума – не на лыко! – резюмировал кто-то из фронтовиков.

- А ты, видать, из молодых, да дурных! Здорово форсишь ты, вижу, смолоду, а посмотрю я, что ты заговоришь, когда с голоду сдыхать будешь!… Что вам ишшо не хватало, сукины вы сыны?!… Какого такого лутшего вы захотели?… Ну, нечего нам толочь воду в ступе! Моё предложение, господа старики, такое: ежели сыновья наши и внуки не хотят защищать батюшку Тихий Дон, если у них заглохла казацкая совесть, если для них тёплые курени да бабьи передки дороже чести казацкой, давайте подниматься мы, старики! Не надо нам ихней помощи. Давайте покажем им, подлым душонкам, как воевать и как защищать Дон! Управимся как-нибудь без сопливых. Нехай потом им будет стыдно!… Винтовок нет – возьмём вилы, топоры, лопаты и будем гнать эту сволочь без пощады… Выгнать их всех, чтобы и духу их вонючего тут не было! Изничтожить всех, чтобы не удумали в другой раз… Атаман, бери бумагу и пиши меня первого!

Откуда-то вынырнул писарь с бумагой и чернильницей. К столу стала неохотно очередь стариков. Митинг зажужжал:

- Старый волк знает толк!

- В пустой бочке звону много!

- Дело толковано, что сива подкована, а теперь надо толковать, как бы гнедую подковать!… Эх, беда, беда, горе наше горькое!

- Толковали попы в соборе, у кого … поболе!

- Ха-ха-ха!

- Борода выросла, а ума не вынесла!

- Умный поп тебя крестил, да жалко, что не утопил!

- Не забудьте чепы (затычки) вставить в задницу, а то пока дойдёте до Черкасска, весь песок повысыплется и нечем будет посыпать, когда будете драпать от красных!

Расписавшись в списке, дед Минай повернулся к митингу и поднял байдик, призывая к молчанию.

- А ишшо, господа старики, хочу вам вот что сказать, - продолжал дед Минай, когда шум понемногу стих, - нам нужно так переговорить с нашим станичным сходом, что кто будет защищать Дон не из казаков, принять их в казаки и дать пай! А кто из казаков не пойдёт против красных, того лишить казачества и отобрать землю – нехай походит в хохлах, нехай покушают!… Давайте попросим Пантелея, чтобы он открыл сейчас же станичный сход. Тут народу – вся станица! Правильно я говорю?

- Правильно!

- Не по закону!

- Спросить нужно у окружного!

- Конечно, дело это сурьёзное, чего там!

- Атаман! Не позволяй, а то разнесём твою канцелярию, что и клочка не соберёшь! Ишь, что выдумали!

Станичный сход не состоялся – атаман боялся раздражать фронтовиков.

6

А на следующий день, во вторник, 23 января, после торжественного молебна в церкви отец Иван прочувственно напутствовал седобородых волонтёров:

- Братья во Христе! Христолюбивое воинство! Возлюбленные чада Господни! Вы идёте на святое дело! Вы идёте защищать от нечестивых агарян поруганные и осквернённые святыни Божии. Вы идёте на ратные подвиги во имя любви к ближнему своему! Быть может, милосердному Создателю угодно будет взять кого из вас в лоно Авраамова, туда, где «несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Не страшитесь этого, а благодарите любвеобильного Бога нашего за его беспредельную милость, ибо сладчайший Господь наш Иисус Христос сказал: «Больше

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя»… А святая церковь наша будет вечно молить перед престолом Всевышнего за всех, на брани живот свой положивших. В святом вашем деле вам будет трудно, но никогда не вздумайте возроптать на Господа Бога нашего. Всегда в трудные минуты помните слова спасителя нашего: «Приидите ко мне вси труждающиеся… и аз упокою, ибо иго мое тяжко, и бремя мое легко есть».

Несколько снаряженных атаманом обывательских подвод повезли после молебна в Новочеркасск десятка три «гайдамаков» – так окрестили стариков фронтовики. За спиной у каждого висели холщовые «сидора» с домашними харчами. Рядом с подводами шли провожатые с исключительным преобладанием плачущего женского персонала всех возрастов, а фронтовики осторожно, чтобы не быть замеченными, наблюдали эти проводы из-за заборов.

В Новочеркасске таких патриотов с окрестных станиц собралось человек триста. В Соборе, в присутствии всего состава донского правительства во главе с Калединым был отслужен самим преосвященным Гермогеном, архиепископом Аксайским и Новочеркасским, молебен, после которого Каледин со всеми перецеловался. А потом под звуки торжественного марша, привлекшего массу зевак, добровольцы под командой десятка офицеров по Крещенскому спуску проследовали на станцию.

Экзальтированные дамочки, сопровождая колонну до самой станции, не переставая, скандировали:

- Защитникам Дона ура-а-а!

- Да здравствую защитники Дона!

И, подбегая к шеренгам, совали в руки стариков папиросы, булки, колбасу.

На станции добровольцы были посажены в пять классных вагонов и отправлены на северный фронт против наступающих на Новочеркасск частей Донревкома.

Правительство Дона, по-видимому, не очень-то надеялось на устойчивость этих ветеранов, поэтому ехали они на фронт в той же домашней рвани. Казённое обмундирование им было обещано по прибытии на фронт.

Не прошло и нескольких дней, как по станице поползли слухи, что это «христолюбивое воинство» поодиночке и группами покинуло фронт и преспокойно отсиживается по домам, боясь и носа высунуть на улицу. Одновременно с этим в станицу стали приходить вести одна тревожнее другой. 21 января под станцией Глубокой, между Каменской и Миллерово, был разгромлен в пух и прах партизанский отряд Чернецова. Сам он, захваченный в плен частями революционных казачьих полков, был зарублен председателем Донревкома Подтёлковым. Захваченные вместе с Чернецовым офицеры его отряда были также порублены и постреляны озлобленными казаками.

29 января (11 февраля по новому стилю), не видя выхода, покончил жизнь самоубийством в своём атаманском дворце в Новочеркасске атаман Каледин. Растерявшееся донское правительство вручило власть так называемому походному атаману генералу Назарову.

В первых числах февраля до станицы стали докатываться отзвуки далёкой артиллерийской канонады.

- Пришла война и на наш батюшку Тихий Дон! – крестился народ.

Бои шли где-то около Сулина и на подступах к Ростову. Со стороны Царицына большевистские отряды красного командира Автономова теснили к Ростову и Новочеркасску по Задонью немногочисленные, разрозненные и уже наполовину дезорганизованные донские партизанские отряды. Отряды эти, изрядно потрёпанные в боях, отступали из-за Задонья на Новочеркасск через станицу Багаевскую. В один из пасмурных февральских дней из нашей станицы было видно, как по заснеженному займищу двигались на Новочеркасск жиденькими цепочками реалисты, гимназисты, семинаристы и иные «исты», составлявшие основное ядро добровольческих отрядов

Каледина. В ночь на 7 февраля из станицы Мелиховской, не заходя в нашу станицу, прошёл в город тоже какой-то крупный отряд донских партизан с артиллерией.

Собравшийся в Новочеркасске 4 февраля Войсковой Круг утвердил войсковым атаманом Назарова. Председателем Круга избрали войскового старшину Волошинова, походным атаманом – генерал-майора Попова, начальником штаба Донской армии – полковника Сидорина. Круг этот, называвшийся «малым», никакого авторитета среди казачества не имел. Он был представлен от почти одних низовых станиц, так как обольшевиченные северные округа – Хопёрский, Усть-Медведецкий и Донецкий – делегатов своих на него не прислали. Объявленная Назаровым при поддержке Круга мобилизация мужского населения от 17 до 55 лет успеха не имела.

Пришедший в эти дни с Румынского фронта в Новочеркасск походным порядком, при всех офицерах, 6-й Донской казачий имени генерала Краснощёкова полк после торжественной встречи был направлен на северный фронт к Сулину. Но, придя на место, воевать с большевиками отказался.

7

В последние дни своего существования донское правительство особенно боялось за соблазнительную продукцию местного спиртоводочного завода, находившегося на Ермаковском проспекте. Опасаясь покушения на этот слишком уж большой соблазн как со стороны враждебно настроенной части населения Новочеркасска, так и со стороны остатков своей уже начинающей разлагаться армии и даже со стороны вроде надёжной охраны завода, в результате чего могли возникнуть весьма нежелательные эксцессы, правительство распорядилось уничтожить все запасы не только готовой продукции, но и сырья - спирта-ректификата, всего в количестве около ста тысяч вёдер.

Уничтожение этой алкогольной массы должно было производиться путём спуска её в луг, за черту города. Это мероприятие было осуществлено в ночь на пятое февраля. Спирт по канализационной трубе был направлен в заболоченную стекавшими из города разными уличными нечистотами музгу, что была расположена у железной дороги, немного восточней керосиновых складов Новочеркасского нефтяника Марко-Донато. Хлынувшую бурным, стремительным потоком жидкость не могло впитать в себя замусоренное, но промёрзшее болото, на что рассчитывали власти, на его месте стало образовываться небольшое озеро из чистейшего спирта.

Хотя эта операция и проводилась глубокой ночью особо преданными правительству людьми и в строжайшей тайне, но тайное моментально стало явным. Не успели первые вёдра алкоголя показаться из канализационной трубы, как население прилегающих к железной дороге улиц, всех возрастов, мужчины и женщины, с вёдрами, кастрюлями, чайниками, керосиновыми бидонами, супниками и прочей посудой, сбивая друг друга с ног, отталкивая слабых, ринулась к этому неожиданному, чудодейственному источнику. Оцепление, состоявшее из сугубо надёжной офицерской части, поднявшее в первый момент винтовочную стрельбу боевыми патронами вверх, было смято, разбросано, оттеснено и совершенно лишено всякой возможности что-либо сделать с возбуждённой безумием стяжательства толпой.

Каким-то образом, в тот же час, узнала про это и близлежащая станица Кривянская. Хозяйственные кривянцы не стали размениваться на кастрюли и чайники. К месту чудесного болота они поскакали на лошадях и потянулись на волах с кадушками и бочками, также опережая друг друга, наскакивая в темноте один на одного и ломая оси и колёса. Не обошлось без потасовки и на месте.

Когда утром следующего дня к необычной музге прискакали не менее хозяйственные бессергеневцы, заплавцы, грушевцы и мишкинцы, волею непредусмотрительных предков отдалённые от города большим расстоянием, нежели

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

счастливые кривянцы, эта свалка нечистот уже перекочевала в погреба и сараи горожан и кривянцев. На её месте старанием этих первооткрывателей красовалась гладко отполированная лопатами, мотыгами и просто руками совершенно чистая и сухая котловица. Предприимчивые кривянцы не оставили даже крупицы грязи. Драгоценная жижа была погружена в кадушки и отправлена про запас домой. О том, что тогда или впоследствии кто-нибудь заболел от этого «нектара», даже и слуха не было.

Девятого февраля добровольческая армия под командой бывшего, после июльских дней семнадцатого года, верховного главнокомандующего русской армией Корнилова покинула Ростов и отступила за Дон, в район станицы Ольгинской. И в тот же день Ростов был занят красными отрядами Сиверса. С остатками донской армии ушёл из Новочеркасска в Задонье и походный атаман Попов. Новочеркасск остался беззащитным. Круг и войсковое правительство эвакуироваться из Новочеркасска не успели. Роковая петля затянулась, и 12 февраля по старому стилю Новочеркасск был занят частями 10 и 27-го донских революционных полков под командой войскового старшины Голубова.

Первым вошёл в Новочеркасск утром 12 февраля 27-й полк. Войсковой Круг был разогнан. Назаров и Волошинов прямо на заседании Круга были арестованы Голубовым и им же лично через день расстреляны. 26 февраля в Новочеркасск вступили Московская и Воронежская колонны Красной армии. Донревком во главе с Подтёлковым обосновался в Ростове-на-Дону.

8

Накануне падения Новочеркасска, вечером, я с гармошкой сидел на ермаковской лавочке с Дашей и её подругами и в полтона наигрывал популярную тогда песенку на тему вальса «Тихие лунные ночи», а девчата вполголоса подпевали. В этот полный невиданными событиями год уже ни отец Иван не громил с амвона, ни атаман не только не разгонял «улицы», но даже сквозь пальцы смотрел на танцы, пение и игру на гармошке на церковной площади, что раньше не только не разрешалось, а даже наказывалось.

После пережитой душевной трагедии я, несмотря на уговоры друзей, на «улицы» не ходил и ни с какой девушкой дружить не желал. Анка, моя двоюродная сестра, через которую я когда-то держал связь с Катериной, вышла замуж тоже, и Катерина стала теперь для меня совершенно чужой, как будто бы я никогда и не был знаком с нею. Да и возобновлять это знакомство я не хотел. Слишком глубокие корни пустила Татьяна в мою душу, и мне казалось, что никакими снадобьями, никакими развлечениями и никакими новыми знакомствами вырвать эти корни, выкорчевать их из души было невозможно.

Все свободные вечера я проводил теперь в обществе «интеллигенции». Да иногда по-прежнему собирались у Петра и выпивали, хотя к вину я привыкнуть никак не мог и пил его через силу, только лишь для того, чтобы хоть чуть опьянеть и хотя бы на несколько часов забыться от тоски. Кроме того, часто по приглашению Ильи Еремеевича я наведывался к нему и, затаив дыхание, как очарованный слушал его игру на баяне. И мне в эти моменты казалось, что имей я такую штуку и научись играть на ней хотя бы сотую долю того, что играл и как играл Илья Еремеевич, душевную боль мою как рукой бы сняло. Но о мене Илья Еремеевич сейчас не вспоминал. Только один раз сказал:

- Нет, Андрей, наделять тебя этой старухой я раздумал. Вот немного пройдёт эта катавасия, поеду в Шахты. Там, говорят, у одного гармонного мастера есть какое-то чудо. Посмотрю, что это за чудо, а потом будет видно. А пока вот заучивай-ка вот этот аккорд.

И он учил меня брать аккорды и запоминать пальцами ноты. Держа на коленях свою мечту и прислушиваясь к дивному сочетанию правой и левой сторон несправедливо окрещенной хозяином «старухи», я забывал всё. Но просить о мене у меня не поворачивался язык.

Сейчас, сидя с девчатами на лавочке со своей теперь убогонькой венкой-двухрядкой, я в мыслях держал… нет, не шахтинское чудо, а всё ту же, блистающую лаком и перламутром, отвергнутую неблагодарным хозяином «старуху». Я не хотел шахтинского чуда. Мне была нужна только «старуха».

Эти дни станица жила тревожной жизнью. Со дня на день, с часу на час ожидали прихода страшных большевиков. Матери не пускали на «улицы», ребята сбивались маленькими кучками у заборов, чтобы при первом же неблагоприятном случае нырнуть во дворы.

И вот большевики пришли. Сначала на окраине станицы, на горе, со стороны Мелиховской послышался невнятный отдалённый шум движущейся массы людей, потом, по мере приближения - нарастающий, отчётливо слышный в морозном воздухе цокот копыт и фырканье лошадей. Залаяли потревоженные собаки. Девчата вскочили с лавочки и стали жаться к калитке. Я стал их уговаривать подождать. Кое-кто из девчат стал всхлипывать и просить:

- Даша, я боюсь, идём пока хоть к вам!

Но я стоял на своём. Откровенно говоря, уговаривая девчат, я только храбрился. У меня у самого на душе было не очень спокойно. Чёрт его знает, может, и правда, что насилуют и убивают. А шум всё нарастал. По этому шуму можно было определить, что вступившая в станицу воинская кавалерийская часть, не останавливаясь в северо-восточной части станицы, сосредоточивается сюда, ближе к центру. Вскоре явственно стали слышны слова команды, крики и перебранки обозных.

- Сотня!… Стой!

- Пулемётная команда, сюда!

- Тпру! Куда прёшь, мать твою! Повылазило, что ли?

- Кухня третьей сотни!… Где кухня третьей сотни?

- Кашевар с кашей съел!

- Я сурьёзно, а ты…

- И я не шутейно.

Разговор наш, русский. И не только русский, а даже донской и совсем не страшный. Обыкновенный, походный, когда воинская часть вступила в населённый пункт, не выслав предварительно квартирьеров – их не высылали, не зная обстановки.

И вот уже по площади по направлению к нам рысит несколько лошадей. И перед нами, робеющими и любопытствующими, остановились четверо верховых. Подскакавшие спешились, и одни из них:

- Кто в этом доме живёт? Кто-нибудь из вас есть из этого дома?

- Я, - робко прошептала Варя.

- Очень приятно! Ну, хозяюшка молодая, веди к отцу. Отец есть? Вот хотим ваш курень забрать на ночь под наших командиров.

Он пошёл следом за Дашей, а остальные начали закуривать.

- Казак, бери! – предложили они мне.

- Спасибо, я не курю.

- Не куришь? Молодец! Редкость в твои годы. Ну, раз не куришь, то и не надо привыкать к этой гадости. Кто тут живёт – не поп?

- Нет, простой казак.

- Оно и видно, что простой. Какой-нибудь буржуй, кровосос?

Как с ним разговаривать на эту щекотливую тему, я не знал и признаться, что здесь живёт мой дядя по тётке, побоялся и неприязненно подумал: «Буржуев ругаете, а сами ищите, где квартира побогаче».

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Ну, а вы, раскрасавицы, чего повскакивали, жмётесь, - развлекался между тем другой с девчатами, - нас боитесь, что ли?

- Боимся, - чистосердечно призналась Лиза Пушкина. Это она плакала.

- Ха!Ха!Ха! Да чего же вы боитесь? Мы не кусаемся. Мы только одних малых детишек едим, да старых варим на мыло. А вас, милушки-молодушки, только по доброй воле…

- Ну, ты оставь! - строго прикрикнул на него тот, который разговаривал со мной, и к девчатам, - Не слухайте этого краснобая и ничего не пужайтесь. Брешет это он всё, как кобель. Мы такие же донские казаки, как и вы.

Потом строго опять к нему:

- Офицерьё им тут напевает, да ты ишшо со своими брехнями. Вот узнает Голубов, так он о твою ряшку плеть поломает!

- Ну, ну, Петрович, уж и пошутить нельзя!

- Нельзя так шутить, как ты этого не понимаешь? Сколько раз тебе нужно говорить, дурья ты башка!

Несмотря на темноту, я видел, что это были самые настоящие наши донские казаки. Да и по выговору это чувствовалось. Возраст – около тридцати.

Через некоторое время ушедший с Дашей казак возвратился с дядей Сёмой и сказал:

- Лутше и не надо – и самим, и коням. Ты, Егорыч, скачи за штабом, а вы заводите лошадей. Ну, хозяин, отворяй ворота. Гость на гость – хозяину радость. Так, папаша? Или наоборот – незваный гость хуже татарина. Но ничего, мы не надолго, только переночуем.

Испуганный дядя Сёма, не отвечая на весёлую болтовню квартиранта, сам, без этой просьбы уже открывал ворота. Минут через пять к воротам подкатили две тачанки в сопровождении пяти верхоконных. Один, довольно грузный, ехавший впереди, лихо соскочил с коня, бросил повод подхватившему его на лету, вероятно, вестовому и крикнул:

- Линьков!

- Слушаюсь, товарищ командир! – предстал перед ним один из подскакавших казаков. «Так вот они какие, эти самые товарищи, которых мы так боялись», - подумал я.

- Карьером к …, - я не разобрал фамилии, - чтобы немедленно связь!

- Слушаюсь! – и ординарец исчез.

- Ну, куда тут? – повернулся грузный к калитке и вошёл в неё. Тачанки въехали во двор, развернулись и стали против ворот. С них слезли человек шесть казаков и стали разминаться. Дядя Сёма было начал закрывать ворота.

- Хозяин, ворота не закрывать, - подошёл к нему один из казаков, - не бойтесь, ничего у вас не пропадёт, тут будут дежурить. А ворота, да ишшо такие, как у вас, закрывать при нашем деле не полагается. Мало ли что!

Когда немного угомонилось, мы с Дашей пошли разводить по домам её подруг, так как они ни за что одни идти не соглашались. Нам попадались и нас обгоняли одиночки верхоконные, да рысью бежали с катушками, разматывая провод, связные. Никто на нас не обращал внимания. По станице не умолкал лай потревоженных собак.

К нам на квартиру никто не стал. Пришедшая группа компактно разместилась в центре станицы, а с рассветом ушла в направлении Новочеркасска. Ожидавшие мародёрских выходок со стороны пришельцев бессергеневцы успокоились. Ничего ни у кого не было без спроса взято, ничего нигде не украдено. Но это наши станичники отнесли за счёт того, что это всё же, как никак, а свои, донские, а вот когда придут «те», то…

У Ермаковых ночевали штаб бригады и сам Голубов. Тот тучный был он.

В эту же ночь, экстренно, со всей станицы, были собраны в станичное правление одни казаки-фронтовики. Выслушав информацию одного из прибывших с отрядом Голубова, уполномоченного Донревкома, собравшиеся единодушно сместили с поста атамана Пантелея Ивановича и единогласно утвердили предложенный уполномоченным список членов станичного революционного комитета в составе девяти человек - наиболее революционно настроенных фронтовиков из казаков и солдат-иногородних. В состав ревкома вошёл и мой отец. Председателем ревкома также единогласно был избран Трофим Николаевич Нюхарев, его помощником – Стефан Евграфович Чеботарёв, то есть каменские делегаты. Первым заместителем председателя избрали члена полкового комитета 50-го Донского казачьего полка – Василия Яковлевича Рубцова, того самого, который оппонировал в школе офицеру-вербовщику. Вторым заместителем прошёл иногородний, инвалид войны Харитон Дмитриевич Булгаков, сын того станичного плотника, который, ремонтируя у нас когда-то курень, сделал мне самострел-арбалет, из которого я же и подстрелил его, попав в щёку. До войны Харитон Дмитриевич работал у Шмеля приказчиком, а теперь – им же в станичном потребительском обществе. Ходил он сейчас на протезе при помощи палки, так как у него была ампутирована в полбедра левая нога.

Пяти членам ревкома, не вошедшим в состав президиума, были поручены различные станичные санкции – торговая, школьная, санитарная, земельная и финансовая и пособий. Последнюю возглавлял мой отец. Секретарём ревкома был приглашён как специалист по этой части бывший гражданский писарь правления Иван Георгиевич Журба, тот самый, который осенью снабдил меня, Татьяну, Таську и Яшку документами. Утром вся станица уже знала, что атамана теперь нет, а есть какой-то станичный ревком, заседающий там же, в станичном правлении.

Так мирным путём в ночь под 12 февраля по старому стилю 1918 года в нашей станице сменилась старая, веками установленная, традициями освещённая, казалось незыблемой привычная атаманская власть на новую, хотя и с русским, но не привычным названием – Советскую власть с ревкомом во главе. Но не суждено было этой новой власти укрепиться прочно с этих дней. Не окончен был на Дону ещё спор за старые былые порядки и привилегия, за старинный уклад казачьей жизни, за старинный казачий быт, за обычаи. В весеннем, начинающем пахнуть воскресающей землёй воздухе начало попахивать кровью. Да не кровью исконных врагов России – татар, турок, немцев, а своей, родной русской кровью.

Ещё два года понадобилось для того, чтобы пришедшая тогда, в феврале восемнадцатого года новая власть окончательно восторжествовала и утвердилась в беспокойном крае. Ещё два года кровь сынов Тихого Дона щедро поливала родную донскую землю. Два года в неистребимой ненависти друг к другу бились брат с братом, сын с отцом, станичник со станичником, каждый уверенный в своей правоте.

А пока первым долгом новая власть станицы Бессергеневской утром 12 февраля раздала для борьбы с «кадетами» сотни две совершенно новых, в ружейном ещё масле, винтовок, тайно сохранившихся у одного фронтовика 33 полка, и по две обоймы патронов к каждой. Я помнил, что ещё тогда, перед Рождеством, когда квартировавший в станице 33-й полк не разъезжался по домам, прошёл слушок, тщательно опровергаемый командным составом полка, что из полкового, никем не охраняемого склада, было украдено десятка два ящиков запасных винтовок и тысяч сто патронов к ним.

Во время следования с фронта на Родину железной дорогой через Екатеринослав казаки этого полка, приняв участие в локализации грабежа пристанционных военных складов и, в частности, оружейного, сами под шумок стащили из этого склада запакованные в заводские ящики винтовки и патроны и погрузили их в вагоны. Командир полка и офицеры знали про это и в душе поощряли пополнение донского арсенала. Знали также, что винтовки и патроны благополучно доставлены в станицу и

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

находятся на полковом складе, в сарае у одного из станичников. Будучи осведомленными о краже, они, находясь в последнее время в щекотливом положении, побаивались местных казаков и никаких мер к розыску пропажи не предприняли. Так это дело и заглохло.

Придя в первый день своей «власти» домой обедать, отец принёс винтовку и, отдавая её мне с десятком обойм, сказал:

- Береги, да смотрите, не перестреляйтесь!

С этого дня, особенно по вечерам, по станице почти беспрерывно щёлкали винтовочные выстрелы боевыми патронами. И приходилось только удивляться, как дело обошлось не только без человеческих жертв, но и скотина осталась цела. Ведь винтовки попали в руки необученной и шаловливой молодёжи, узнавшей поверхностно обращение с ними от пришедших с фронта отцов и старших братьев. Сначала, в зимнее время, жертвами необузданной стрельбы были галки, а с наступлением весенних дней – несчастные журавли и дикие гуси, возвращающиеся на родину из далёких, тёплых краёв.

9

К вечеру 13 февраля, заходом в станицу из Шахт через станицу Мелиховскую прошёл регулярный Воронежский отряд Красной гвардии. Не рассредоточиваясь по станице, красногвардейцы, отдохнув с час биваком прямо на станичной площади и переменив обывательские подводы, двинулись в ночь на Новочеркасск. Ничего необыкновенного в станице, чего с таким трепетом, ожидая «тех», предполагали притаившиеся и дрожащие станичники, не произошло и на этот раз.

А утром, четырнадцатого, к нам пришёл дядя Алёша и, дрожа и чуть не плача, начал рассказывать про вчерашнее ночное происшествие, свидетелем которого ему пришлось быть. Он явно был перепуган, говорил захлёбываясь и невпопад.

- Вот и дождались! Сукины сыны!… Вот они сразу и показали себя!… Говорили же люди, так куда там! «Товарищи»!

- А что такое, говори, что случилось, - пытал отец.

- Убили человека, вот что случилось! Так, ни за что, ни про что – взяли и убили!… Не за понюх табаку пропал человек!

- Какой человек?… Кто убил?… Где убили?

- Ваши красные убили, вот кто!

- Ну, хорошо, пусть будут «наши»! Успокойся и расскажи всё по порядку. Ты что-то не то говоришь!

- Нет, то! Нарядили нас вчера двадцать подвод везть в город патроны и ишшо чего-то. Поехали мы все быками – я, Кондрат Чибис, Яков Трубокур, Герасим Бурдюг, Онуфрий…

- Ну, хорошо, хорошо, - перебил его отец.

- Ну, навалили это мы в правлении ящики с патронами и какие-то там тюки и поехали. С нами двадцать четыре человека сопроводителей, по человеку с лишним на подводу, этих, значит, красных. Ну, сначала что ж, люди как люди, много молодых ребят. Шутят с нами, балагурят, угощают курить, хлопают по плечу – не бойтесь, дескать, папаши. «Мы, - говорят, - знаем, что тут про нас наговорили вам ваши кадеты». Ну, едем, значит, помаленьку, чин чином. Смеются с наших «цоп цобе». А тут, как на грех, повалил этот снег. Такой повалил, что прямо света Божьего не видно, а мы колёсами. Ну не ворочаться же назад. Доезжаем это мы до узвалу* (место, где луг подходит к степи. Сейчас на этом месте посёлок Донской и Новочеркасская ГРЭС). Я еду в серёдке, ничего не знаю, думаю только об одном: «Господи, хоть бы как дотянуть до города – станут быки по такому снегу». Вдруг слышу спереди какой-то крик. Потом

остановились подводы. Мой провожатый соскочил с воза и побежал на крик, за ним другие. Пошёл и я. Смотрим, в кругу красных стоит с поднятыми руками облепленный снегом человек. Двое его обыскивают, а ишшо двое – один чирикает спичкой, а другой читает какую-то бумажку. А потом тот, что читал, как крикнет:

- А ну, расступись!!!… Попался, гад, в бога мать! – и два раза в него из винтовки. Тот только успел крикнуть: «Братцы родные, да за что же вы?» - и упал. А этот, который стрелял, начал его лежачего колоть ишшо штыком. Ох, и матерился же он, сукин сын. Этот, который убил. И как только мать-сыра земля не развёрзлась и не провалила его в тар-тарары!… Стоим мы, трясёмся не то от страха, не то от обиды за человека, не то от злости. Спрашиваем, за что он убил этого человека, кто он такой? А он, который убил, и говорит: «А вот за что, отцы, смотрите. Ведь это же белоконник, кровопийца и ваш, и наш. Вот слухайте! А ну, - говорит он одному своему, - свети-ка спичку!». И стал читать. Я так не расскажу, как написано. Это было удостоверение, в котором сказано, что это, вот и не выговорю, одним словом, это был не офицер, а вот как подхорунжий, только по гражданской части. Вот дай Бог память. Ишшо похоже на имя покойного свояка Листрата. Ага, вспомнил, листратор и ишшо как-то.

- Регистратор, - подсказал отец, разбиравшийся в чинах больше, чем его шурин, - наверное, коллежский регистратор.

- Во, во, правильно!… Ну, так слухайте дальше. Когда стали читать его другие бумажки, то у него оказался и пропуск, выданный городским ревкомом, что это гражданин станицы Мелиховской – Богомазов, который, значит, идёт в свою станицу к семье. Он-то, бедный, когда его остановили и стали спрашивать, что за человек и потребовали документы, от страха-то и подсунул вместо пропуска своё старое удостоверение, будь оно трижды проклято! Прямо как будто шукал человек смерти.

- Ну, а потом что? – нетерпеливо допытывался отец.

- Да что? Этот убийца и говорит, а сам чухает затылок: «Маленько, - говорит, - осечка вышла, не в того стрелял, в кого нужно. Ну, да на войне, - говорит, - не без урона". Ну, так вот, поехали мы дальше, склизота – страшная, а быки хоть и кованы, да подковки все поистесались и подкатываются наши быки так, что того и гляди, что пораздерутся. Старшой то их, видать, из нашего брата, заметил это и говорит: «Как-нибудь, отцы, давайте дотянем до Кривянки, до ихнего ревкома. В город уже не поедем. Ваши, - говорит, - рогатые кони всё равно по такой склизоте на гору не вытянут. Я то, - говорит, - город ваш хорошо знаю, бывал. В Кривянке мы возьмём другие подводы, а вы поезжайте домой. Да, - говорит, - подберите убиенного и отвезите в свой ревком. Немного получилось нескладно, в первый же, - говорит, - день нашего знакомства с вами и получилась такая петрушка! Ну, ничего теперь не поделаешь, - говорит, - мёртвого не поднимешь, а я, - говорит, - доложу, кому следует, так этому товарищу так не пройдёт».

- И что же дальше?

- Поехали мы дальше не в город, а в кривянский ревком. Там свалили яшшики под сараем и нас отпустили. Мы сейчас же обратно… Едем, это, мы домой. Снег уже перестал, и так от этого снега светло. Доезжаем до «этого» места и у каждого думки: «А, может, кто ехал и подобрал?». Нет – лежит, бедный, весь снегом занесён. Быки, худоба, и то понимают – как кинутся в сторону. Взяли мы его и положили на мой воз. А он уже застыл, как кочерыжка. И вот привезли его уже под утро в станичное правление, чи как его – ревком…Ведь я ишшо ни трошки не спал. Пришёл вот к вам скорее рассказать такие «хорошие» новости… Ну, как это? Только первый день пришли и давай скорее убивать. А что же будет дальше? А как на них теперь будет смотреть народ? Нехай уж был бы виноват! Да хоть бы и виноват… Нужно же как-то по-другому – суд там или что? А то так – ни за здорово живёшь. Это что, значит, можно каждому убивать?… Дожили! Захотел – и убил человека и ничего тебе за это не будет! Одним словом – здорово!

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

С немигающими от ужаса глазами слушал я страшный рассказ дяди. Не верилось, что так просто и безжалостно можно убить человека. Одевшись, я побежал к Илюшке и Жорке рассказать им и их родным сообщённую дядей Алёшей страшную новость. Потом мы побежали к станичному правлению, теперешнему станревкому, куда уже со всех улиц бежали детишки и спешил народ. Несмотря на ранний час, народу на площади было полно. Много обывательских подвод. Масса вооружённых в разной одежде. Среди них особенно бросаются в глаза в необычной форме и вооружении матросы. Чёрные бескозырки с наушниками и лентами. Чёрные матросские бушлаты перепоясаны крест накрест пулемётными лентами. На поясах – гирлянды бутылочных гранат. Винтовки с приткнутыми штыками, но не за спинами, как мы привыкли видеть у своих служивых казаков, а повешены ремнём на плечо дулами вниз. Они стоят группами человек по тридцать-сорок по команде «вольно» и стоя отдыхают от похода, так как присесть им не на что. Выпавший за ночь снег взялся водой и уже превратился в грязное жёлтое месиво.

Около забора двора правления особенно густо. Там жмут, напирают, протискиваются вперёд. Оттуда лезут обратно – кто с жатыми кулаками, кусая в бессильной ярости губы, кто равнодушно, кто плача. У самого забора вой и причитания баб. На страшных людей с перекрещёнными лентами и связками гранат никто не обращает внимания. Страх перед большевиками затмило стремление взглянуть на так трагически погибшего человека и постигнуть тайну умершего.

С трудом, получая тумаки и пинки, мы протиснулись сквозь плотную массу толпы. У самого забора, на подосланном на подтаявший снег клочке сена лежал прикрытый шинелью убиенный, ожидая приезда родных из Мелиховской, куда уже дали знать. Когда любопытная чья-либо рука приоткрывала немного шинель, стоящие впереди инстинктивно шарахались от ужаса. Через разорванные штыковым ударом две рубахи на левой стороне груди зияла большая рваная рана, а дальше вглубь виднелись рваные органы грудной полости тела. В полуоткрытых остекленевших глазах застыл предсмертный ужас. Немного выше левой брови, в синей кайме кровоподтёка – входное пулевое отверстие. Меня затошнило, и я скорее поспешил выбраться из толпы.

Один из матросов стоял на крыльце правления и, выбрасывая вперёд кулак правой руки, бросал в притихшую толпу страстные, взволнованные и осуждающие убийство слова:

- Товарищи казаки!… Не верьте этой золотопогонной сволочи! Они изо всех сил стараются поссорить вас, казаков, с нами, большевиками в своих интересах! Триста лет они сосали из трудового народа пот и кровь, а теперь, когда видят, что царству ихнему приходит конец, они вплоть до обмана, вплоть до провокационного убийства хотят оттянуть этот конец… Вы думаете, что это сделали мы, большевики? Нет! Тысячу раз, нет! Большевикам чуждо чувство мести даже по отношению к своим заклятым врагам! Мы не говорим, что мы не убиваем. Мы убиваем! Но мы убиваем своих врагов честно, в открытом бою или по суду. Это же ничем не оправданное убийство совершил, вне всякого сомнения, подосланный в наши ряды гнусный агент буржуазии. Говорю вам ещё раз, враги наши идут на всякие подлые провокации, чтобы натравить на нас трудовых казаков. Нам уже известно, что этот убитый человек – простой казак, труженик, по несознательности своей прельстившийся на жалкие погоны чиновника.

Мне, комиссару этого отряда, - он назвал номер и название своей части, которых я не запомнил. При слове «комиссар» все как будто бы вздрогнули и с любопытством уставились на этого человека –живого комиссара,…- мне известно, какая часть прошла впереди нас, и мы выясним, кто сопровождал обывательский обоз. И можете быть уверены, товарищи казаки, что преступник, убивший ни в чём не повинного человека, будет найден и привлечён к суровой ответственности по всем строгим законам революционного военного времени… А сейчас, товарищи казаки, председатель вашего станичного революционного комитета товарищ Нюхарев зачитает вам один

правительственный документ, касающийся вас, казаков, и вашей дальнейшей жизни при советской власти. Прошу вас, товарищ Нюхарев.

Нюхарев ступил на самый край крыльца вперёд матроса и, развернув лист бумаги, стал читать медленным, торжественным тоном, выговаривая каждое слово чётко, словно рубя топором:

- Властью рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров… постановляет:

1. Отменить постоянную воинскую повинность и заменить постоянную службу кратковременным обучением при станицах.
2. Принять за счёт государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.
3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.
4. Установить полную свободу передвижения казаков.
5. Вменить в обязанность соответствующим органам при Народном Комиссариате по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров.

Подписал: Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ленин (Ульянов)

- Вот видите, товарищи казаки, - опять начал матрос, когда Нюхарев кончил читать и, свернув бумагу, отошёл в сторону, - видите, как советская власть заботится о вас, казаках. Если раньше вы служили чуть ли не полжизни, если вы раньше шли на службу на своём коне и в своём обмундировании, то теперь советская власть отменила теперь вашу службу совсем. А если кому и придётся служить, то советская власть принимает на себя их обмундирование и снаряжение. Казаку предоставляется полная свобода передвижения. Езжай, куда хочешь! А было это раньше у вас? Нет, не было!

- Товарищи казаки, - продолжал матрос, - отбросьте всякие сомнения, колебания и страхи! Примите протянутую вам братскую руку единения. Только в этом новом единении мы начнём строить новую свободную жизнь без атаманов, без помещиков, без фабрикантов и заводчиков. Царём будет сам трудовой народ. Недаром на красных знамёнах революции начертано: «Владыкой мира будет труд!». Освобождённый народ пойдёт по пути небывалого развития своих творческих сил. Ваш тяжелый труд будет заменён машинами. Такие машины уже есть. Их называют тракторами. Мы покорим природу и не будем зависеть от её капризов. Будет нужен дождь – нажмём кнопку и пойдёт дождь. Не нужно пока дождя – нажмём другую и будет хорошая погода.

По толпе ехидный смешок. Ни тракторам, ни тем более кнопками не верят даже сочувствующие фронтовики:

- Уже и до Бога добираются!

- И как только Господь терпит?

- Мели, Емеля, твоя неделя!

А я, между тем, думал: «Трактора и тот офицер, что на фронте проводил беседы в отцовской сотне, тоже обещал. Значит, что-то такое есть на самом деле. Но почему же так о нас, хлеборобах, заботятся и кадеты, и красные, заклятые между собой враги?… Да потому, что есть-то все хотят – и красные, и кадеты, - делал заключение внутренний мой голос».

Оратор, не обращая внимания на пробежавший по толпе шелест, продолжал:

- Отмирающие эксплуататорские классы знают, что господству ихнему приходит конец. Поэтому они всеми силами стараются оттянуть эту неизбежную свою гибель...

- Так что же, поубивать их что ли всех, как вот этого человека? Чем они виноваты, что такое было время, что был царь да купцы с помешшиками? – не удержался какой-то дед.

- Нет, никто не говорит об их поголовном физическом истреблении. Мы не мстим и не убиваем. Мы только лишаем бывших эксплуататоров тех средств, которыми они

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

закабаляли простой народ. Мы лишаем их привилегий, наконец, мы отнимаем от них те права, которыми они пользовались для нашего угнетения. Мы призываем их влиться в наши ряды и честно сотрудничать с нами…И многие их них уже работают с нами. Тот же, кто не сложит своего оружия для борьбы с нами, тот должен быть уничтожен. Тем пощады нет и не будет!

Казаки! Наша с вами ближайшая задача – это совместными усилиями покончить с остатками контрреволюции здесь, на Дону. Недобитые остатки её ушли в сальские степи. Ими командую такие матёрые волки, как бывший клавковерх Корнилов и ваш так называемый походный атаман Попов. Безусловно, распоряжение о ликвидации этих банд было передано революционным войскам, но вы со своей стороны должны создать свои заслоны, чтобы потеснённые оттуда, они не смогли безнаказанно бродить по освобождённой советской земле и нарушать нашу мирную жизнь. Председатель вашего станичного ревкома товарищ Нюхарев мне сообщил, что по указанию Новочеркасского окружного ревкома им уже приняты соответствующие меры, и из двух возрастов казаков-фронтовиков формируется отряд для участия в ликвидации банд Попова, Семилетова и другой контрреволюционной гидры.

Вот, товарищи казаки, пока всё. Мне было поручено кое-что вам пояснить в связи с этим убийством. Никто на вашу жизнь, на ваши землю не покушается! Скоро весна. Поэтому нужно спокойно ехать в поле и думать о том, чтобы как можно больше посеять хлеба.

Матрос поклонился толпе и вместе с Нюхаревым пошел в помещение. Народ зажужжал, всяк по-своему комментируя выступления начальника матросов. Я же стал разыскивать в толпе своих друзей. В стороне я увидел с полсотни казаков на лошадях, наших станичников, снаряжённых по-походному и вооружённых. Перед их строем, сидя тоже на коне, красовался их командир – старший урядник Яков Филиппович Гудков. Это организовывался отряд против ушедшего в сальские степи генерала Попова.

Отряды матросов уходили из станицы. Около убиенного слышались громкие истерические рыдания – это приехали за трупом родные.

Не найдя друзей, я отправился домой. Отца дома не было. Будучи членом ревкома, он почти всё время пропадал теперь в своей финансовой секции. Я рассказал матери про убитого и про то, что говорил матрос. Утирая фартуком глаза, мать сначала плакала. Но когда мой рассказ дошёл до кнопок, она всплеснула руками и рассмеялась:

Господи, да дураки-то! Полезли уже и к Богу на нёбочку. Чтоб вас лихоманка побила, умников! Уже выше Бога хочут залезть!.. Ну, а вы, дураки, слухали? То-то недаром пословица – «умный обещает, а дурак радуется».

10

Через несколько дней после того, как через станицу прошли последние отряды красных и станица успокоилась и зажила прежней жизнью, к нам однажды перед вечером прибежала белая, как печка, перепуганная Павлова мать – тётка Дуня и, упав лицом вниз на койку, начала истерично рыдать:

- Ой, Господи! Ой, мать Божия, царица небесная! Да за что же ты их наказал?

Мать подскочила к ней, начала брызгать на неё водой и расспрашивать, в чём дело.

- Убили-и-и Илюшу-у-у! Братца Илюшу убили-и-и!

Наконец, немного успокоившись, тётка Дуня стала рассказывать.

Позавчера брат тётки Дуни Илья Еремеевич Чернов поехал в Шахты менять баян. А сегодня к ним, Зиминым, прибежала свояченица Ильи Еремеевича тётка Настя, вдова, жившая у Черновых, и с криком и причитаниями передала, что Илюшу нынче, часа в три дня убили в степи, между Заплавской и Кривянской, почти на том же месте,

где несколько дней тому назад был убит мелиховский Богомазов. Его подобрали и повезли в город не то багаевские, не то манычеческие казаки. А один из них прискакал к Черновым, сообщил им и в ревком о несчастье. Жена Ильи Еремеевича тётка Мария с детьми уже уехала в город. Тётка Дуня сказала, что и Зимины тоже собираются ехать в Новочеркасск, дядя Андриян с Павлом уже запрягают лошадей.

Через час вся станица уже знала, что убит станичник. Вечером я пошёл к Черновым. У них сидело человек десять баб-соседок, но тётка Настя ничего толком так и не знала. Посидев немного, я было уже собрался уходить, как в хату постучали, и в комнату вошёл знакомый мне пожилой станичник. Он снял шапку, перекрестился и поздоровался:

- Здорово дневали!

- Слава Богу! Присаживайтесь, дядя Семён!

- Да присаживаться-то особенно некогда. Вот что, Анастасия Николавна, я был в городе и встретил Марию Николавну, она просила передать вам, чтобы вы не беспокоились. Илья Еремеевич жив, пришёл в сознание и лежит в донском военном госпитале.

- Слава тебе, Господи! – закрестились все.

- Рана его не опасна, но он потерял много крови. А сама Мария Николаевна приедет завтра или послезавтра.

Никаких больше подробностей этот благой посланец не знал, но и этого было достаточно, чтобы теперь, хотя и нетерпеливо, но уже не со страхом ждать возвращения родных.

Первыми приехали Зимины и рассказали обо всём уже более подробно. 22 февраля, в четверг, Илья Еремеевич, положив в мешок свой баян, поехал с ним в Шахты к тамошнему гармонисту, мастеру Теряеву. Тётка Мария, жена Ильи Еремеевича, советовала ему ехать в Шахты своей подводой, чтобы оттуда заодно прихватить и угля. Но Илья Еремеевич не послушался, сославшись на то, что угля хватит «ишшо на год», а время такое, что могут и лошадей отобрать, и его убить.

Доехал он до Новочеркасска попутной подводой, а оттуда в Шахты – поездом. У мастера в Шахтах он ночевал две ночи, а в субботу утором, обменявшись с мастером баянами, он с обновкой поехал домой тем же путём. В поезде ему не терпелось похвастаться перед пассажирами не столько новым баяном, сколько своей игрой. Само собой разумеется, что его замечательная игра на таком редком инструменте, как баян, привлекала массу слушателей не только своего вагона. И, как это часто бывает, среди слушателей нашёлся ещё один баянист, и они вдвоём развлекали пассажиров до самого Новочеркасска.

Ещё дорогой этот незнакомец ничего незначащими вопросами выпытал у Ильи Еремеевича, откуда он и куда едет. И, узнав, что в Бессергеневскую, радостно и удивлённо воскликнул:

- Вот это здорово! Так я же тоже в Бессергеневку вот к такому-то, - и он назвал фамилию, имя и отчество одного из станичных фронтовиков, с которым он был якобы знаком ещё до войны. И вот он теперь едет его проведать.

- Значит, будем попутчиками! Вот и хорошо! Ну, как он поживает?

Ничего не подозревавший, простак в душе, Илья Еремеевич тоже обрадовался попутчику и рассказал о станичнике всё, что знал. В Новочеркасске Илья Еремеевич предложил новому знакомому подняться до базара и попытаться найти попутную подводу, но тот стал его отговаривать:

- Да стоит ли? Пока мы будем лазить по горам да ходить по базарам, мы уже полпути пройдём. Идём пешком! Если кто и есть на базаре, то всё равно нас не минуют – догонят. На дороге и попросимся подвести.

Аргумент был настолько разумен и логичен, что Илья Еремеевич не стал возражать, и они пошли.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

В зимнее время дорога из города в нашу станицу шла через станицу Кривянскую двумя путями. Летом – по мосту через реку Тузлов, а потом по длинной кривянской Мостовой улице. Второй же путь – прямо от керосиновых складов через лёд Тузлова, а дальше – тоже по станице по параллельной Мостовой улице. Второй путь - намного короче, но в «гнилые» зимы, когда небольшие морозы чередуются с частыми оттепелями, эта дорога была небезопасна. Бывали случаи, что в коварном Тузлове, правда, в этом месте неглубоком, но вязком, барахтались среди зимы и люди, и лошади. Поэтому большинство станичников, да ещё в ночь, предпочитали ездить всё же через мост.

За городом мнения двух путников насчёт дальнейшего маршрута разделились. Илья Еремеевич, в надежде, что их всё же могут нагнать подводы и подвести, настаивал идти через мост. А попутчик, под предлогом сокращения пути, уговаривал идти через лёд Тузлова. Они пошли вторым путём. За Кривянку они вышли часа в два дня, то есть в такое время, когда базарный люд в основном уже проехал домой. Когда стали подходить к тому месту, где несколько дней тому назад был убит Богомазов, спутник немного приотстал, и в этот момент Илья Еремеевич, нёсший баян в мешке на правом плече, услышал выстрел и одновременно почувствовал сильный удар в левую лопатку. Он упал и потерял сознание. Очнулся он уже в больнице, весь забинтованный, как кукла. Около него в больничных халатах сидели плачущая жена и дети.

Дальнейшее стало известно со слов наткнувшихся на него людей из станицы Манычеcкой. Ввиду того, что прямая дорога из города в Маныческую из-за неустойчивой погоды бездействовала и переправа через Дон по льду была небезопасна, жители Задонья были связаны с Новочеркасском через багаевский мост, а, следовательно, и через нашу станицу.

Часа через полтора после того, как Илья Еремеевич со своим спутником вышли из города, по этому пути двинулись три пароконных подводы с жителями станицы Манычеcкой. Подводы ехали то рысью, то шагом, и вот у узвала они и наткнулись на лежащего без сознания в луже крови человека. Ничего из вещей у него не было. Только в кармане был обнаружен бумажник с деньгами и документ на имя гражданина станицы Бессергеневской Чернова Ильи Еремеевича. Один из проезжих, сведущий немного в медицине, пощупав пульс лежащего, определил, что пострадавший жив, но потерял много крови. Здесь же ему была оказана первая примитивная медицинская помощь. Порванной нижней рубашкой туго-натуго перевязали рану и остановили кровь. Пуля, пробив левую лопатку, прошла, не задев ключицы, навылет на вершок выше сердца и образовала большое рваное отверстие. Оказавшим помощь было совершенно непонятно, с какой целью было совершено покушение, если целы и деньги, и документы.

Бывалые фронтовики быстро сообразили, что покушение было совершено совсем недавно, не более получаса тому назад, и преступник далеко уйти не мог. Обследовав тщательно всё вокруг места происшествия, мужчины заметили свежие следы человека в сторону степи. И для них стало ясно, что после выстрела злоумышленник кинулся бежать в степь, маскируясь будыльями. Организовать за ним погоню они не посмели, как никак преступник был с оружием, а у них в руках – одни кнуты. Посоветовавшись между собой, они решили одной подводой немедленно скакать в Бессергеневскую, сообщить семье. Вторая должна возвратиться и заявить в Кривянскую, а третья – скорее везти раненого в город.

Так они и сделали. И в результате такого разумного решения и пострадавший был спасён, и преступник пойман. Он уже ночью напоролся на кривянский дозор, высланный ревкомом в степь по заявке прискакавшей подводы. Напоролся в таком месте, где в ночное время, да ещё зимой, никак не мог идти честный человек.

Неизвестный был задержан. При нём оказался мешок с баяном, револьвер системы «наган» с пятью патронами и удостоверение на имя гражданина хутора Большой Лог

Аксайской станицы - Баскакова Петра Михайловича. Так как наличие револьвера у гражданского человека было в тот год в порядке вещей, на это обстоятельство дозор не обратил никакого внимания. Его заинтересовал баян. Почему этот человек очутился с баяном в таком глухом месте в зимнее время? И задержанного доставили в кривянский станичный ревком, где он пытался всех убедить, что этот баян он купил в станице Багаевской у тамошнего гармонного мастера Щеглова. Что с этим баяном он шёл из Багаевской в Новочеркасск, но ночью сбился с дороги и заблудился в незнакомой степи. Все, конечно, были убеждены, что он врёт, так как нашлись такие кривянцы, которые знали этого Щеглова и знали, что он никаких баянов не делает и даже не имеет. Да и вообще баяны в те времена были большой редкостью. Баскакова на следующий день переправили в Новочеркасскую милицию вместе с баяном и револьвером, а там уже знали про это происшествие, про связь баяна с ним, и преступник был арестован. Дальнейшая его судьба из-за начавшейся скоро гражданской войны неизвестна.

Илья Еремеевич пролежал в больнице около трёх недель. Приехал он домой исхудавший, но что хуже всего – с парализованной левой рукой, безжизненно висевшей на марлевой перевязи. Пальцы парализованной руки были прозрачны, как растопленный воск. Он привёз с собой и злосчастный баян, выхлопотав его у милиции. И в тот же день прислал за мной.

Держа на коленях великолепно отполированный, новенький, пахнущий ещё лаком, весь в перламутре по чёрному полю, виновника своего несчастья, он одной правой рукой наигрывал свои любимые мелодии. Но без левой, басовой, стороны игра получалась так же, как на скрипке без смычка.

Я теперь стал навещать больного каждый день, но не столько больного, как из-за «присухи», которая завладела всем моим существом. Только бы иметь! О, только бы иметь! Но как иметь, когда иметь, это мне представлялось далёким, далёким, как полёт на Марс. А Илья Еремеевич, между тем, до крови кусал губы в бессильной ярости. Иногда он с таким ожесточением бросал баян на кровать, что я в ужасе закрывал глаза и отворачивался. Однажды, в припадке такой ярости, он с силой поставил баян мне на колени и прохрипел:

- Забирай или я разобью его к …, - и он безобразно и нецензурно, поминая Бога и всех святых, выругался.

От неожиданности я опешил и стал отказываться:

- Что вы, что вы, Илья Еремеевич, как же это так можно? Чем я буду с вами за него рассчитываться? Ведь у меня, кроме венки, нет ничего, а с отцом я боюсь говорить про это дело. С тех пор, как вы его уговаривали, он ишшо и слова не сказал. Наверное, передумал.

- А я говорю – забирай! – закричал он страшным голосом, на который прибежала перепуганная Мария Николаевна. - Неси свою венку и ещё будешь должен, как я тогда говорил, пять вёдер пухляковского вина и триста рублей денег. Это я отдаю так, за полцены, как своему человеку, и в кредит. Когда деньги будут, тогда и отдашь, иначе из этого красавца получатся под горячую руку одни щепки да железки. Всё равно я когда-нибудь не сдержусь.

- Забери, Андрюша, от греха забери, а то он и правду с дури это сделает, - робко просила Мария Николаевна.

- Ты ещё тут влипаешь! – гаркнул он на жену. – А ну, геть вицеля, обойдёмся без сопливых!

Жена поспешила уйти. Будучи и до этого болезненно раздражительным, он, после этого рокового случая, стал ещё более нервным. Но всё же надежды не терял. При выписке из госпиталя врачи заверили дядю Илюшу, что безжизненная его сейчас рука со временем начнёт действовать. Но это будет не ранее, как через год-полтора, и то при условии лечения её электричеством.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Мне всё равно играть на ней не скоро, а ты будешь пока учиться, - уже спокойнее сказал он, - я сам буду говорить с твоим отцом, вот только немного стану на ноги.

Не чувствуя под собой от радости земли, я в этот же вечер принёс домой свою исполнившуюся мечту и рассказал всё отцу.

- Всё-таки поставил на своём, - недовольно ворчал отец, - а чем будешь расплачиваться? Ну, вино, положим, есть, венка есть, а деньги? Где взять такие деньги? Взять бы да выпороть тебя хорошенько за твоё самовольство!

- Папа, ну что я вам такого сделал плохого? За что вы меня так не взлюбили?

- Как?! – опешил отец.

- Да так. Я не курю, не пью, на «улицах» не хулиганю, не безобразничаю, как другие, не дерусь, вас с мамой слушаю, никогда не грублю вам, делаю всё, что вы меня заставляете делать. Но вы почему-то не взлюбили меня, ненавидите! Было у меня одно утешение в жизни, но вы, не знаю почему, лишили меня его. Сказали «нет» и я покорно послушался, хотя и дорого мне это, очень дорого обходится. Никто только не хочет верить и понять меня. А теперь вот этот баян! Ведь вы же тогда, помните, согласились? А теперь – «выпороть»!

- Капризы и больше ничего!

- Да почему же капризы? Мне кажется, что если он у меня будет и я научусь на нём мало-мальски играть, я забуду то своё горе.

- Есть же у тебя, ну и забавляйся!

- Что есть? Теперь уже эти «есть» из моды выходят.

- Мало что «из моды». Может, выдумают ишшо какую машину, что крутнул ручкой, а она и пошла выбивать трепака. Не нужно ни мехи растягивать, ни пальцами перебирать. Так тогда и ту тебе подавай?

- «Крутнуть ручкой» уже есть у Ермаковых. Граммофон называется. Но такая музыка для вас, стариков, а мне и даром не нужна.

- Ну, не знаю. Денег у нас сейчас нет и неоткуда их взять, а быть должным до осени не хочу. Не люблю долгов. Это как камень на шее.

Но вечером, когда уже стемнело, отец сам налил из оставленного к Пасхе вина пятиведёрный бочонок и повёз его Илье Еремеевичу. Там они договорились и об окончательном расчёте за баян. Хитрый и дальновидный Илья Еремеевич, учитывая непрочность времени и ненадёжность бумажных денег, предложил отцу отдать ему вместо трёхсот рублей корову. Корова стоила 230-280 рублей. Отец согласился и в следующую ночь – днём стыдился – также сам лично отвёл во двор Черновых корову с приплодом – трёхнедельным телёнком.

- Ну, мать, - говорил он матери, - теперь зажили. Хоть жрать будет нечего, зато жить будем весело!

- Бездомники вы, не хозяева! Худобочку отдать за говно, - беззлобно ругалась мать, - сами-то теперь с чем остались?… И ты туда же, старый хрыч!

Но я знал – это мать так, для виду. Конечно, отец согласовал с ней эту мену. Это она ворчит, чтобы показать себя. А насчёт того, что «сами-то теперь с чем остались», мать прибедняется. Ведь коров на базу ещё осталось две, такие же, как и та. По полведра в сутки молока дают.

Таким образом, совершенно неожиданно, из-за несчастья с Ильёй Еремеевичем, я за двухрядку, пять вёдер вина и корову с телёнком стал полным и нераздельным, без всяких кредитов и компаньонов, обладателем такого сокровища, которое, поражая гениальным сочетанием дерева, стали, кожи, бумаги, лака, меди и перламутра, манящее и дразнящее, стояло сейчас на подзеркальном столике пока «мёртвым капиталом», накрытое куском кисеи от старой гардины. Родители строго-настрого запретили мне

брать баян до Пасхи даже рассматривать. Великий пост, грех, Бог накажет! А до Пасхи оставалось ещё пять недель.

Но искушение было очень велико. Я еле удерживался от соблазна и ловил моменты, когда в курене, кроме меня, братишки и маленькой сестрёнки, никого не оставалось. Тогда я подходил к столику и, не снимая с него баяна, надавливал на клавиши и растягивал мехи. И по куреню тотчас же раздавались чудные звуки минорного аккорда. Я млел от восхищения и предвкушения того наслаждения, которое я буду испытывать, играя на этом чуде и поражая всех на «улице». И, предвкушая это, я считал дни до Пасхи. А она в этом году была самая поздняя. Поздней ей по церковным законам и не полагалось быть.

Эти мои запрещённые проделки подмечал мой четырёхлетний братишка и докладывал потом матери. Мать ругалась:

- Вот возьму, да и замкну в сундук. Прямо бузувер какой-то стал!

Но баян в сундук не замыкала. Он ей нравился как совсем не лишнее украшение в доме. Митька же за своё фискальство получал от меня трёпку.

11

Однажды перед вечером, придя из ревкома, отец привёл на ночлег незнакомого человека.

Павловна! – крикнул отец. – Приготовь-ка нам чего-нибудь закусить, а я мигом вернусь. Мне нужно на несколько минут отлучиться. А вы, - обратился он к пришедшему, - раздевайтесь и располагайтесь, как дома. Если вам нужно что написать или почитать, обращайтесь к сынишке.

Гость поблагодарил и приветливо поздоровался с матерью:

- Здравствуйте, хозяюшка!

Но на иконы не перекрестился, как это было принято у казаков, свой ли или чужой. И не только не перекрестился, а даже не взглянул на тот угол, где густо стояли иконы, перед которыми горела лампадка, чем сразу же вызвал у матери молчаливую неприязнь.

- Дюжа коммунист какой-то, - подумала она, - правду говорят, что они в Бога не верят!

После матери гость поздоровался со мной. Я в это время сидел у окна и читал «Цыгана Яшку». Подавая мне руку, гость назвал себя:

- Журавлёв Иван Семёнович!

Я назвал себя. Потом гость поздоровался за руку с Митькой, который исподлобья изучал незнакомого дядю, стоя на всякий случай недалеко от матери и засунув, по своему обыкновению, большой палец правой руки в рот.

- Как же звать тебя?

- Митя.

- Очень приятно, Митя, только кулаки не нужно в рот. А-я-я-яй!… Ну, извини, пожалуйста, товарищ Митя, ничего, брат, у меня, к сожалению, нет. Нечем тебя угостить!

Он потрепал Митьку по щеке, выпрямился и стал раздеваться. Снял далеко не первого срока видавшую виды солдатскую шинель, размотал шарф, потом снял потёртую кожаную куртку и остался в старенькой солдатской гимнастёрке цвета хаки, подпоясанной простым солдатским ремнём. Брюки также были цвета гимнастёрки и заправлены в простые сапоги с избитыми подмётками и изношенными в одну сторону каблуками.

Ему было лет около сорока, как и отцу. Но ни усов, ни бороды. Вместо них – густая сизая щетина небритого дня три лица. Лицом он смахивал немного на отца. Тот же

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

рост, чистый белый лоб с едва заметными морщинками, густые каштановые волосы. Весело и озорно поблескивали серые глаза. На обеих щеках, к носу, по две-три крупинки рябин.

- Может, умоетесь? – спросила мать, вешая чистое полотенце в прихожке, в углу над «поганой цыбаркой», в которую, за неимением рукомойника, совершался ежедневный ритуал умывания всей нашей семьи.

- Спасибо, хозяюшка, с удовольствием, если можно.

Мать крикнула мне:

- Возьми кружку и слей на руки человеку!

Но мыться в курене гость не стал. Он попросил меня выйти с кружкой холодной воды на двор и полить ему на руки там. На дворе в это время стояла такая пора, когда зима уже понемногу стала сдавать свои позиции, а весна ещё не спешила вступать в свои права. Основной снег, которого в этом году было очень мало, почти потаял. Последние его хлопья, падая с насупленных небес, таяли тоже. Временами сеял холодный дождь. Всё это превратило немощёные улицы станицы в непролазное болото. Иногда по ночам были небольшие заморозки, затем выглядывало солнышко и начинал дуть влажный и тёплый ветерок. Потом опять насупливалось, и опять начиналось всё сначала.

На крыльце гость снял с себя обе рубахи и, крякая от удовольствия, стал растирать ледяной водой волосатую грудь.

- Люблю! Вот не сделал этого сегодня утром и кажется, что что-то не так, чего-то не хватает. Привык! Обыкновенно я проделываю это каждый день по утрам, даже вот в Сибири…

- А вы были в Сибири? – догадываясь, что это за гость, спросил я таким тоном, как будто бы в Сибири, помимо каторжан, больше не живёт никто.

- Да, голубчик, был и в Сибири.

- Интересно!

- Интересного, конечно, быть в Сибири в таком положении, в каком был я, мало, но вообще-то – ничего!

- Вы что, сидели, наверное, за политику? – эрудированно спросил я.

- Да, было такое дело, - неохотно ответил он и переменил разговор…

- Это кто же забавляется? – указывая на баян, спросил у меня гость, когда умывшись, он вошёл в курень и я пригласил его в зал к зеркалу.

- Я.

- Да? Ну, и можно послушать, как ты играешь? Откровенно говоря, люблю простую народную музыку.

- С удовольствием бы, да, во-первых, я ещё почти ничего на нём не играю – недавно только приобрёл, а во-вторых, мать такого шуму тут наделает, что не только мне, но попадёт и вам.

- Да ведь пост же сейчас, великий грех!

- А-а-а! Понимаю, понимаю! Ну, тогда, конечно, не надо. Раздражать мать ни в коем случае нельзя!… Ну, а что ты читаешь?

Я протянул ему «Цыгана Яшку».

- Когда-то читал! Но такой литературой, Андрюша, я бы не советовал увлекаться. Правда, вещь очень занятная, но пользы от неё, как голодному от устриц.

Я опешил. Как?! Я читаю этот увлекательный роман писателя Животова в четвёртый или пятый раз и всё время с новым и новым интересом. Как же можно хаять такую великолепную вещь, когда я хорошо помнил, как перед войной отец, помимо «Воскресения» Толстого, читал эту книжку вслух всем соседям, собиравшимся в наш курень зимними вечерами. И как они слушали эту книгу, не шелохнувшись, затаив дыхание, боясь проронить хотя бы одно слово. И как многие из них, более впечатлительные не только из баб, но и из казаков, плакали в некоторых местах

настоящими слезами. Да и как можно было вообще оставаться равнодушным к судьбе двух несчастных детей -–мальчика и девочки, - украденных в младенческом возрасте цыганами и найденными только через двадцать лет. Причём, нашли в церкви, когда их, родных брата и сестру, только что приготовились венчать.

И вот эту замечательную книгу, правда, с таким печальным концом, как монастырь для обоих, так порочат.

- Да, Андрюша, - говорил гость, листая книгу, - тебе нужно читать не эти книги – они ни уму, ни сердцу. Больше нужно читать такие книги, где пишут о простом народе, народе обездоленном. Например, «Бурмистр», «Два помещика», «Хорь и Калиныч» и другие писателя Тургенева. Небось, не читал?

- Нет, почему же? Читал!

- Потом нужно читать Некрасова.

- Читал и Некрасова, но как-то не доходило.

- А вот нужно читать так, чтобы доходило. Про Грибоедова слышал?

- А как же! Это тот, что написал «Горе от ума»?

- Да, да!

- Я не читал этой комедии с начала и до конца. Так, перелистывал. Что-то скучной она мне показалась.

- Напрасно. Обязательно нужно прочитать. Там, в этой комедии, один из главных действующих лиц - Фамусов – личность, правда, отрицательная, богатый барин-крепостник, но в одном месте он очень умно сказал своему слуге Петрушке: «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, расстановкой». Понял? Вот так нужно читать все книги, вдумываясь в каждое слово, в каждую фразу, вникать в смысл. Стараться понять, что именно хотел сказать теми или иными словами писатель. Пушкина нужно знать!

- О-о-о! Пушкина! Что вы, да ведь это мой любимый, Бог! – восторженно воскликнул я. – Я знаю почти наизусть все его поэмы: «Руслан и Людмилу», «Полтаву», «Медного всадника», «Евгения Онегина», «Бахчисарайский фонтан», - и изумлённому гостю я продекламировал целые главы из этих поэм.

- Замечательно! Ей-богу, изумительно! Молодец! Молодец!… Я никогда не ожидал, чтобы в деревне – ты прости, Андрюша, что я так называю вашу станицу. Деревня, хутор, станица, слобода, село – всё это в отличие от города называется одним словом «деревня», то есть сельская местность. Так вот, я никогда не ожидал, чтобы в станице, среди простых ребят, нашёлся, кто бы так знал Пушкина. Ну, а «Деревню» ты его знаешь?

- «Приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия…», - улыбался я.

- Смотри, брат, да ты в самом деле… Ну, а «Дубровского», «Капитанскую дочку» читал?

- Да всего, всего Пушкина знаю.

- Замечательно! А ещё кого из поэтов и писателей читал?

- Всего Лермонтова, всего Чехова, «Юрия Милославского» Загоскина, «Князя Серебряного» Толстого, «Войну и мир», «Анну Каренину» другого Толстого. Да многих, многих, всех даже и не помню.

- А вот «Похождение Пинкертона» наверно не читал.

- Что вы, что вы, как же не читал? И его, и Ника Картера, и Шерлок Холмса. Мы их читаем, что называется, запоем.

- Кто это «мы»?

- Я и мои друзья.

- Так значит, эти книжки про сыщиков вам здорово нравятся?

- Ещё бы! Мы даже, когда были школьниками, играли в сыщиков.

- А откуда вы брали или берёте эти книжонки?

- Мы их покупаем у бродячих разносчиков-офеней.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- А Пушкина, Лермонтова, Чехова, Толстого и других?

- А эти – из своей школьной библиотеки. И бывший наш учитель даёт свои. У родни нашей много разных книг. Дед этой родни был самолюбивый и гордый старик. Сам был полуграмотен, а старался подражать городу и выписывал журналы с приложениями. Вот из этих приложений к журналам «Нива» и «Родина» у них составилась целая библиотека.

- А сколько лет ты учился, Андрюша?

- Пять!

- Это как понимать? В каких-нибудь классах сидел по два года?

- Нет, у нас в училище пять классов, а почему-то оно называется «двухклассным».

- А-а-а! Понимаю! – улыбнулся гость. – А как же ты окончил эти пять классов?

- На все пятёрки. У меня не только тройки, а даже четвёрки за все пять лет не было, - с гордостью похвастался я и начал доставать из шкафа свои похвальные листы и свидетельство об окончании, но в это время вошёл отец.

- Извините, что я вас так долго промариновал. Вы, наверное, здорово кушать хотите?… Сейчас, сейчас! А ну-ка, Павловна, давай, тащи сюда, в зал, всё, что там у тебя есть. Кое-кто придёт ишшо, - и отец полез в погреб.

- Ничего, ничего, хозяин, не беспокойтесь, - ответил гость.

Мать начала собирать на стол, а гость вышел на крыльцо покурить.

- Садись и ты, повечеряй вместе, - сказала мне мать, когда отец вылез из погреба с четвертью вина и пригласил гостя к столу.

- Ну и сынок у вас, Тарас Григорьевич, поздравляю! Я никогда не ожидал, что в казачьей станице можно встретить такую грамотность. Ведь цари нарочно старались держать казаков в темноте, чтобы легче было ими понукать, и вдруг такое… Мне немного, пожалуйста, - сделал гость жест в сторону стакана, который ему подвинул отец, - спасибо. Ведь я почти не пью, а вот закусить – с удовольствием.

- Ничего, ничего, для аппетита не вредно. Ведь это наше, виноградное – чистый перебродивший сок винограда.

- Ну, разве что для аппетита и за компанию. А что же вы сынка обносите? – спросил гость, видя, что отец вина мне не дал.

- Молод ишшо!

- Я не пью, - покраснел я.

- Это очень похвально, если не пьёшь… Почему вы, Тарас Григорьевич, не отдали сына учиться дальше? Он говорит, что окончил только пять классов вашей станичной школы. А способности у него, видно, есть…

- Сначала давайте выпьем да закусим, а то за разговорами и аппетит весь пропадёт… Ну, за всё хорошее! – он чокнулся с гостями и выпил. Гость выпил только с полстакана и поблагодарил.

- Что это вы? – запротестовал отец. – У нас так не пьют. Ведь это же не водка.

- Нет, нет, спасибо! Я вот лучше подналягу на борщ!

- Ну, смотрите, дело ваше, но я прошу не стесняться… Да вот так и не отдали, - закусив, начал рассказывать отец, - знаете нашу жизнь казачью, хлеборобскую – больше пахать, да как бы побольше посеять, да чтобы больше скотины на базу было, да чтоб виноградники были хорошие. А на образование смотрят как на что-то противное укладу нашей казачьей жизни. Вы правы, начальство наше смотрело так: чем меньше грамотных, тем больше вояк, чем меньше образованных, тем больше спокойствия для них. Я бы, конечно, не прочь был отдать его учиться дальше, но покойная мать у меня, вот его бабушка, - кивнул отец в мою сторону, - уж дюже крутая женщина была. Она умерла в позапрошлом году. Бывало, только заикнусь насчёт Андрюшкиного дальнейшего учения, так она куда там, ни в какую: «Бога забудет, царя почитать перестанет. Знаю я этих учёных!». Ну и пришлось смириться. Ведь мать – вдова, старшая в доме, а закон – на стороне старших. Не послушаешь мать, так атаман вызовет

и такую ижицу пропишет, что чухаться год будешь. Да мало этого, вызовет ишшо на станичный сход, да ишшо на сходе посрамят. Да могли и наследства лишить! Вот как у нас за непослушание родителей! Вот и пришлось ему, как у нас говорится, быкам хвосты крутить. Но, может быть, в конце концов, и можно было уломать старуху, но тут началась война. Меня взяли на фронт почти в первые дни войны, а он остался у меня за хозяина. А тут ишшо, знаете, простые казаки, не чиновные. Не так-то просто поступить учиться в город. Нужна была какая-то рука. А какая у меня могла быть в городе рука? Вот у неё, - отец кивнул в сторону матери, - есть в городе родня, брат, у него большое знакомство среди Новочеркасской знати. Он хороший гвардейский портной, весь Новочеркасский генералитет обшивал. Но как к нему полезешь, когда у него своих – целых пятеро… Вот так оно и получилось… А сейчас? Где уж тут до ученья, когда идёт такая кутерьма? А во-вторых, уже собирался в этом году жениться. Так какое тут ученье? – засмеялся отец, а я от стыда чуть не полез под стол.

- Хватит уж тебе парня в краску вгонять, - сердито сказала мать.

В это время залаял и кинулся к калитке Пират. Отец встал и поспешно вышел во двор, а оттуда вернулся с гостями. Пришли председатель ревкома Нюхарев, его помощник Чеботарёв и заместитель Рубцов. Не раздеваясь, а только сняв шапки, новые гости сели за стол. Я, чувствуя, что мне здесь уже не место, встал из-за стола и уселся с книжкой в смежной комнате против двери, чтобы, во-первых, использовать свет из зала, а во-вторых, хоть краешком уха послушать, о чём будут говорить «бессергеневские большевики». Так их окрестили станичники, и может, узнаю, кто это такой городской дядька.

Вопреки моему желанию, за столом начали разговаривать о том, о сём – о погоде, о малоснежной зиме, о пахоте. Что раз мало снега, значит, будет мало полой воды. А раз мало воды, то мало рыбы и прочее. Меня это не интересовало. Оставив книжку, я оделся и пошёл управлять на ночь скот.

Пришёл я со двора примерно через час и услышал, что в зале говорили уже не о погоде, и навострил уши. Говорил гость.

- … Кроме нашей партии, партии большевиков, существуют ещё несколько партий. Все эти партии считаются революционными только на бумаге. В их программах только и есть революционного, что свержение царя. Никаких коренных ломок жизни простого народа-труженика в программах этих партий нет. По их понятиям, если свергнуть царя, то жизнь сама по себе улучшится. Они не могут понять или делают вид, что не понимают, что фактически царь был послушным приказчиком у привилегированных классов России – дворянства, помещиков, фабрикантов.

Я не собираюсь, товарищи, читать вам пространную лекцию. Чтобы понять всю сложность наступивших человеческих взаимоотношений, эти пять слов нужно изучать годы. Но вы сейчас – опора советской власти в станице. Вам могут задать какой-нибудь простой вопрос по строительству и укреплению этой власти и вы, товарищи, должны более или менее правильно на него ответить. Я направлен сюда, чтобы завтра провести общее собрание граждан станицы на тему «Текущая политика и задачи советской власти в деревне».

Не подумайте, товарищи, что словом «деревня» большевики уже окрестили ваши станицы. Ничего подобного – это не так. Под словом «деревня»… я вот объяснил это вашему сынку, Тарас Григорьевич, - улыбнулся гость и повторил почти слово в слово то, что говорил перед этим мне.

Ещё вы услышите, что я буду называть вас «хлеборобами», может быть, даже вырвется слово и «крестьяне», непривычное и обидное для вашего казачьего слуха. Не обижайтесь и не придавайте этому значение. Вы – казаки. Никто этими двумя словами казачества вашего не отнимает и отнимать не собирается. Казак – это ваше звание, а хлебороб и крестьянин – это ваша профессия. Понятно, товарищи?

- Понятно, понятно, Иван Семёнович! Чего уж тут не понять? Продолжайте!

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Самая первая задача для нас с вами, товарищи, - как можно скорее ликвидировать в Задонье белогвардейские группировки Попова, Семилетова, Гнилорыбова, на Кубани – Корнилова и многих других и приступить к мирному труду. Страна после войны страшно обнищала… Ну, об этом я буду говорить завтра на собрании, а сейчас возвращусь немного к частной собственности.

Для того, чтобы жить, человеку нужно есть, пить, во что-то одеваться, в чём-то жить и чем-то отапливать своё жильё. И хотя я и неверующий, но скажу словами Евангелия: «Не единым хлебом будет жив человек». Источником удовлетворения всех этих жизненно необходимых потребностей человека является земля. Она даёт пищу, питьё, одежду, обувь, лес, уголь, железо и многое другое, на что имеют одинаковое право все люди земного шара, без различия пола, возраста, цвета кожи, языка, вероисповедания, нравов, обычаев, сословий и убеждений. Но, как известно, все источники существования, за исключением разве воздуха и воды, даром природой не даются. Их нужно создавать и создавать только вмешательством человека в природу – посеять, вырастить, собрать урожай, вырастить скот и так далее. Следовательно, для существования человека необходим труд.

Но в жизни получилось так, что подавляющее большинство человечества трудится в поте лица своего, а явное меньшинство бездельничает и живёт паразитической жизнью за счет труда других. Более того, это меньшинство прибрало к своим рукам сначала земли, а потом, по мере развития промышленности, фабрики, заводы, шахты, нефтедобычу и прочее.

Дальше гость говорил об эксплуатации человека человеком: помещиками – крестьян, фабрикантами и заводчиками – рабочих. Рассказал, как происходит накопление капитала, львиная доля которого достаётся эксплуататорам. Такая система построения общества и является злом человечества. От этого зла и происходят все несчастья человечества – войны, мор, деления на классы.

И вот все партии, кроме нашей, большевистской, - продолжал Иван Семёнович, - считают, что всё зло происходит только от царя. И поэтому в своих программах они ограничиваются только его свержением. А вот другого «царя» – частную собственность на средство производства – они не видят или не хотят видеть. Наша партия, переименованная на седьмом съезде из «Российской социал-демократической рабочей партии большевиков» в «Российскую коммунистическую партию большевиков», - единственная, которая поняла, что свержением царизма невозможно уничтожить всё социальное зло. И она взяла на себя такую перестройку мира, чтобы на земле не было больше ни богатых, ни бедных. Не было бы нищеты и страданий, не было бы войн, и человек не беспокоился бы о завтрашнем куске хлеба. Поэтому наша партия не ограничивается только свержением царизма. Она идёт дальше. Она взяла на себя смелость свергнуть помещиков, фабрикантов, заводчиков, шахтовладельцев и вообще весь класс угнетателей, а вместе с ними и частную собственность на средства производства. Мы хотим, чтобы простой народ, кто своими мозолями производит все блага жизни, сам же и пользовался этими благами. Мы хотим устроить так, чтобы никто ни на кого не работал, а работали бы все на одного и один – на всех.

Я не хотел бы утомлять вас, товарищи, рассказами о многих особенностях несправедливой жизни…

- Говорите, говорите, нам спешить некуда…

- … Мы, большевики, хотим перестроить этот мир зла, несправедливости, нищеты и бесправия на другой лад, перестроить насильственным путём. Насильно отобрать от помещиков всю землю и бесплатно раздать её трудовому крестьянству. Насильно отобрать от фабрикантов фабрики, от заводчиков – их заводы, от купцов – их лавки, от пароходчиков – пароходы, от шахтовладельцев – их шахты и так далее. Всё это богатство нажито нечестным путём, кровью и потом миллионов тружеников. Законное

право на все эти богатства имеет только тот, кто их создаёт, то есть трудящиеся. И это будет называться «общественной собственностью на средства производства».

Но для того, чтобы из новых хозяев не получились новые капиталисты, чтобы не получилось возврата к капитализму, все предприятия должны поступить в распоряжение и под контроль государства. При такой системе государство, через соответствующий свой аппарат, будет планировать выпуск продукции или добычу полезных ископаемых, устанавливать правильную оплату за труд и регулировать занятость на производстве всех без исключения, чем будет уничтожено ещё одно зло капитализма – безработица.

Теперь в отношении кормилицы-земли. Отобрать её у помещиков, раздать крестьянам и на этом успокоиться – это проще всего. Если так сделать, то не пройдёт и пяти-семи лет, как опять будут если не старые, то новые помещики непременно. Почему? А вот почему. Если отнять землю у помещиков и разделить её между крестьянами с правом свободного землепользования, то пойдёт опять скупка, продажа и перепродажа земли. И опять через несколько лет появятся помещики и батраки, богатые и бедные. Из этого вытекает, что земля не должна ни продаваться, ни покупаться.

- Да у нас, на Дону, этого и не было, - вставил представитель ревкома.

- Ну, положим, за весь Дон ручаться нельзя. И у вас на Дону земли и покупались, и продавались, и даже помещики были. Возьмите Таганрогский округ. Ведь там помещиков не меньше, чем в центральных губерниях России. А Донецкий?

- Да как же так? Ведь нам говорили, что если какому выслужившемуся офицеру из донских казаков нарезали землю, то нарезали её в Саратовской губернии за счёт государственных фондов, а не на Дону, за счёт войсковых, - удивились все слушатели, - а помещиков…Так их, вроде, на Дону и совсем не было.

- Правильно! Крупные наделы, например, генеральские 1200 десятин или полковничьи 800 десятин, нарезались в соседней Саратовской губернии, а офицерам чином поменьше по 200 десятин нарезались преимущественно в Донецком округе. Помещики же донские сосредоточились преимущественно в Таганрогском округе, потому что территория этого округа до недавнего прошлого, до 1887 года, входила в состав Екатеринославской губернии. К этой же губернии относился и Ростов-на-Дону и назывался Ростовским уездом. В 1887 же году как Таганрогский, так и Ростовский уезды Екатеринославской губернии были присоединены к Донской области и переименованы в округа. Поэтому к Дону и перешли помещики этих уездов.

По статистическим данным, к 1905 году на Дону было 385 крупных помещиков, владевших почти полумиллионом десятин земли. Это на хозяйство в среднем по 1300 десятин. А сколько мелких помещиков? В общем, в собственности у донских помещиков было свыше одного миллиона десятин донской земли. А были и такие помещики, которые владели не тысячами, а десятками тысяч десятин. Например, помещик Себряков в Медведицком, чисто казачьем, округе. Императору Петру Третьему – это было в 1761 году – понравился какой-то своей выходкой полковник Михаил Себряков. Не долго думая, сумасбродный император и отвалил ему почти весь юрт станицы Кобылянской по реке Медведице площадью, как бы вы думали? … В 534 квадратных версты! Это около пятидесяти пяти тысяч десятин.

- Не может быть! – ахнули все.

- Вот вам и «не может быть». Точно! Сколько земли вот, например, в вашей станице, вернее, в вашем юрте?

Все переглянулись между собой и пожали плечами:

- А кто ж её знает! Прикидывайте вот так – длина юрта приблизительно восемьдесят вёрст, а ширина в среднем шесть…

- Понятно. Это будет около пятидесяти тысяч десятин. А сколько душ населения в станице? Будем брать души, а не паи.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Раз мы считаем весь юрт с хуторами, значит, нужно брать и жителей хуторов?

- Обязательно!

- Да тысяч шесть-семь будет.

- Пусть будет шесть. Это значит по восемь десятин на душу…

- Но ведь это же всё – тут и распашная земля, и толока, и отводы, и займище с озёрами, музгами, камышом и вербами, и станичные резервы, и неудобные...

- Я понимаю, понимаю! Так вот – в среднем на казачью семью падало около сорока десятин, а если откинуть всё то, что сейчас перечислял товарищ, то распашной земли на семью придётся не более десятин двенадцати-пятнадцати. Ведь так?

- Приблизительно так, - согласились все.

- Вот видите?… Ну, пусть все сорок десятин, но не пятьдесят же тысяч!… А ведь Себряков был не единственным в России таким крупным помещиком. Так разве ж это правильно? Разве это справедливо? Вот наша партия и записала в своей программе первым пунктом – отобрать безвозмездно всю землю у помещиков и передать её в пользование так же безвозмездно трудовому крестьянству без права купли, продажи и аренды. Вам же, товарищи, за свою землю дрожать нечего. Никто никогда и не мыслил отбирать её у того, кто её обрабатывает своим собственным трудом…

Безусловно, все нововведения, которые будет проводить наша партия по облегчению жизни миллионов обездоленных людей, встречает уже сейчас, а дальше ещё больше будет встречать яростное сопротивление со стороны обиженных революцией классов. Больше того, сами те, для кого всё это делается, сначала также недоверчиво будут относиться ко всем мероприятиям советской власти. Ведь такой пример уже был в истории нашей страны двести лет тому назад при императоре Петре Первом. Будучи государственным деятелем незаурядного ума, он видел, как в своём развитии Россия далеко отстала от других стран. Обладая неограниченной властью, он взялся перестроить всю жизнь России по образцу передовых европейских государств. Насаждая в России всё полезное, причём, насильственным путём, разве он не встречал противодействия?…Встречал, да ещё какое! Сама церковь чуть ли не восстала против него, считая его за антихриста. И разве мало было попыток вернуть Россию к старому?… Но он, предвидя величие России только в претворении в жизнь своих реформ, железной рукой подавлял все попытки реставрации. Не остановился Пётр даже перед преданием суду своего родного сына Алексея за противодействие реформ и собственноручно утвердил вынесенный ему Сенатом смертный приговор… Современники ужасались столь необузданной жестокости царя-отца, а потомки поняли и благодарили царя-преобразователя за все его великие деяния, которые дали невиданный толчок в возвеличивании России и поставили её в ряды первых европейских государств.

Правда, всё это делалось в интересах господствующих классов – дворян и помещиков. Основная масса трудового народа, крестьянство, на коем зиждилась экономика тогдашней России, так как рабочий класс тогда только зарождался, в расчёт не принималась. Но всё равно, толчок к развитию России был дан. Без Петровых реформ Россия не была бы такой, какой она вышла на мировую арену в начале нынешней войны...

Мы, товарищи, живём в великое время пертурбации всей жизни. Трудящиеся начинают просыпаться от вековечного сна. Они начинают сознавать свою передовую роль на земле, начинают понимать, что хозяином жизни являются не те, кто жил чужим горбом, а те, кто трудится и создаёт своими мозолями всё то, чем так красочна жизнь. И нет никакого сомнения в том, что рано или поздно, но и в других странах произойдут такие же революции, и в мире восторжествует царство трудового народа, восторжествует мировая революция…

Ну, товарищи, давайте заканчивать нашу беседу. Вам нужно отдыхать, а мне ещё нужно кое-что подготовить к завтрашнему дню. Ведь всё то, что я говорил вам сегодня, завтра я буду говорить на общем станичном собрании, а вы должны меня поддержать.

И хотя он сказал, что пора кончать, но беседа продолжалась ещё довольно долго. Гость рассказал биографию их вождя Ленина, говорил о расколе партии на большевиков и меньшевиков и всё время возвращался к теме эксплуатации трудящихся прежним режимом. Около меня, не шелохнувшись, сидели Жорка, Петро и Максим. Не дождавшись меня к себе и не зная в чём дело, они пришли к нам и увлечённые необычным рассказом городского большевика, не стали тянуть меня с собой «на гору», а, примостившись кто на скамейке, а кто и прямо на полу, пополнили собой аудиторию.

Было уже поздно, когда я выпроводил своих гостей, а отец – своих. А приезжий ещё долго сидел и при свете лампы что-то списывал в тетрадь из какой-то книги.

Мне очень хотелось побывать завтра на митинге, но отец ещё с вечера дал мне задание съездить в Кривянскую до тётки Дарьи и я на митинг опоздал.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ВТОРОЙ КНИГИ

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com